

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ САЛТЫКОВА

ПИСЬМА: Н. БАХМЕТЬЕВУ, П. ВЕЙНБЕРГУ, В. ГОЛЬЦЕВУ,
А. ЖЕМЧУЖНИКОВУ, П. ЗАСОДИМСКОМУ, Н. ЗЛАТОВРАТ-
СКОМУ, К. КАВЕЛИНУ, Г. КРАВЦОВУ, Н. КУРОЧКИНУ, Д. МА-
МИНУ-СИБИРЯКУ, А. НОВОДВОРСКОМУ, И. ПАВЛОВУ, И. СА-
ЛОВУ, И. ТУРГЕНЕВУ, Г. УСПЕНСКОМУ, Н. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ,
С. ЮРЬЕВУ, В. ЯКУШКИНУ, Е. ЯКУШКИНУ

Предисловие и примечания С. Макашина

Публикация В. Гиппиуса, С. Макашина, Н. Яковлева и др.

Из неопубликованного и несобранного литературного наследства Салтыкова-Щедрина положение с его письмами следует признать менее благополучным, чем положение с его другими писаниями.

Рукописи щедринских произведений, по крайней мере в основном, приведены в известность, сосредоточены в двух-трех крупных архивохранилищах и в настоящее время тщательно изучаются в связи с работой над полным собранием сочинений Щедрина. Письма же сатирика до сих пор рассеяны по многочисленным архивам и частным собраниям. Некоторые из них, о существовании и даже месте хранения которых точно известно, по разным причинам остаются однако и по сей день недоступными исследователю. Еще больше число тех писем, о которых мы знаем (из литературы) лишь то, что они существовали, но судьба которых в настоящее время в полной мере неизвестна. Далее, детальное изучение литературно-общественных и бытовых связей Салтыкова позволяет назвать не один десяток имен, относительно которых есть все основания предполагать, что они являлись адресатами сатирика, хотя документальных подтверждений этому пока и не имеется. Наконец эпистолярное наследие Салтыкова включает в себя значительное количество опубликованных писем, известных ныне лишь по «печатному первоисточнику», а не по автографу. Каждый, кто сталкивался с этими «первоисточниками», знает, как недостаточны они для целей изучения. Неполная публикация (часто только цитация), вольные и невольные искажения фактов, допущенные редакторами, текстологическая неряшливость и т. д. характерны для большей части печатного фонда писем Салтыкова, обнаруженных до революции. Несомненно, что усилия лиц, работающих над извлечением из архивов автографов Щедрина, должны быть обращены и в эту сторону, что до сих пор делалось недостаточно. «Печатный первоисточник» писем Салтыкова должен быть по возможности полностью заменен единственно авторитетным — рукописным.

Указанное неблагополучие особенно остро ощущается сейчас, когда готовится трехтомное издание писем Салтыкова. Полным это собрание, конечно, еще не будет, включенные в него письма не все будут напечатаны по рукописям, т. е. вполне исправно. Для этого еще не пришло время. Собираение фактического материала в этой области неизбежно должно пройти еще несколько этапов. Одним из них и является настоящая публикация. Подготавливая ее, мы ставили себе две задачи:

1) Извлечение (коллективной работой ряда лиц) из архивов как государственных, так и частных неопубликованных доселе писем Салтыкова. Таких писем было обнаружено 73. Печатаются же из них, по соображениям, о которых будет сказано ниже, лишь 39.

2) Приведение в известность автографов тех, ранее опубликованных писем, текст которых был напечатан либо частично, либо хотя и полно, но крайне неудовлетворительно. Рукописей таких писем было найдено довольно много (все они зарегистрированы и описаны в печатающемся ниже указателе «Щедринские рукописи в архивах СССР»), печатается же здесь текст 24 писем, имевших первичную публикацию.

Таким образом общее количество писем Салтыкова впервые или вновь обнаруженных в автографах при подготовке данной публикации определяется цифрой, превышающей сто. (Напечатанные в этой же книге 15 деловых писем Салтыкова к И. А. Панаеву в этот счет не входят.)

Полученные результаты нельзя не признать довольно внушительными в количественном отношении. Ими определяется прежде всего мера ценности данной публикации как одного из этапов на пути к «полному собранию» писем Салтыкова. Законность появления такой работы на страницах историко-литературного журнала, обязанного по самому существу стоящих перед ним задач уделять внимание собиранию фактического материала, не подлежит сомнению. Однако в данном случае, имея в виду, что совсем небольшой период времени отделяет нас от осуществления трехтомного собрания писем Салтыкова, мы сочли излишним объективировать проделанную работу путем полной публикации всех найденных документов. Отбор здесь производился в основном по качественным признакам. Опущены письма и записки, не представляющие по своему содержанию сколько-нибудь существенного идейно-политического, историко-литературного или литературно-биографического интереса (напр. опущены чисто деловые письма к Е. И. Якушкину). Далее не могли быть использованы в настоящей публикации два наиболее ценных и крупных фонда неизданных (или вернее частично изданных) писем Салтыкова, обнаруженных или ставших доступными сравнительно недавно. Мы имеем в виду 115 писем Салтыкова к Н. А. Белоголовому и 100 писем к Г. З. Елисееву, хранящихся ныне в Рукописном отделении Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Для журнальной «подборки» эти фонды являлись очевидно слишком обширными. Всякая же «выборочная» публикация была бы здесь научно неоправданной и нецелесообразной. Этой категории писем Салтыкова законное место также в «полном» собрании его сочинений. Все письма, не вошедшие в публикацию, зарегистрированы, как уже указывалось, в указателе щедринских рукописей в архивах СССР, печатаемом в этом же сборнике. Тем самым закреплены все итоги проделанной работы по выявлению новых эпистолярных документов Салтыкова.

Таковы были принципы, обусловившие характер публикации и ее состав.

Какова же и в чем ценность материалов, предлагаемых здесь вниманию читателя? Каков их удельный вес среди уже известного эпистолярного наследия сатирика? Дробность писем по адресатам, темам, датам затрудняет конкретную оценку всего материала, взятого в целом. Здесь возможна лишь самая общая характеристика, изучение же идейного и фактического содержания наиболее значительных писем перенесено в комментарий к ним.

Нет необходимости доказывать, насколько важным источником являются письма Щедрина для характеристики его социально-политических воззрений, и шире — для всестороннего изучения его жизни и творчества вообще.

Щедрин надевал на свои идеи маски, иногда очень непроницаемые, он писал «тайнописью», к которой нужны «ключи», «дешифраторы», чтобы прочесть ее. Одним из них, и очень важным, являются письма Щедрина. В них сатирик мог быть, разумеется, гораздо более откровенным и ясным, чем в своих произведениях, предназначенных для печати, почему его письма и являются столь ценным материалом не только в отношении их громадного идейного содержания, но и в качестве незаменимого в ряде случаев конкретно-политического комментария ко многим страницам его сочинений. С другой стороны, письма дают богатый материал для изучения условий литературной работы Щедрина, его печатания, цензурных инцидентов, отношения с авторами-сотрудниками «Отечественных Записок» и т. п., т. е. для изучения всей той литературно-политической среды в которой протекала деятельность писателя. Наконец не менее историка литературы нуждается в письмах Щедрина его биограф. Письма сатирика, наряду с его сочи-

ниями разумеется, этот авторитетный и вместе с тем «красочный» источник, опираясь на который можно строить конкретную историю идейного и творческого развития Щедрина, особенно нуждается в этом, ибо до сих пор отсутствует не только хотя бы первый опыт марксистской биографии сатирика, но даже сколько-нибудь достаточный свод относящихся сюда фактов и документов, число которых благодаря архивным находкам последних лет очень значительно. Таким образом современный исследователь или читатель, пожелавший навести ту или иную биографическую справку о Щедрине, вынужден и по сей день обращаться к материалам крайне недостаточным, односторонне подобранным и иногда тенденциозно, до грубого искажения интерпретированным (работы Арсеньева, Кривенко, Иванова-Разумника и др.).

Охарактеризованное общее значение писем Щедрина полностью относится и к печатаемым ниже их новым образцам. Нельзя недооценить например большого исследовательского интереса, какой представляют публикуемые нами письма к Е. И. Якушину (имя это, кстати сказать, до сих пор не значилось в числе щедринских корреспондентов). Письма эти содержат чрезвычайно яркие эмоционально-взволнованные отклики Щедрина на те конкретные случаи крестьянских восстаний 1861 г. и их усмирений, которым был свидетелем сатирик в пору своего тверского вице-губернаторства; они содержат также замечательно яркие отзывы о французской «третьей республике» и ее оппортунистических вождях. Не меньший интерес представляет и письмо к Н. Г. Чернышевскому (сообщено Н. В. Яковлевым, прокомментировано Я. Е. Эльсбергом), важное в первую очередь тем, что оно дает новый материал для уяснения вопроса об идейно-политическом смысле той полемики, которая возникла в 1862 г. между Чернышевским и Щедриным по поводу известного очерка последнего «Каплуны».

Из писем к сотрудникам «Отечественных Записок» наибольший интерес, помимо ранее уже известных писем к А. М. Жемчужникову, представляют письма к писателям-народникам: Г. Успенскому, Н. Златовратскому, П. Засодимскому и А. Новодворскому (Осиповичу). Эти письма интересны прежде всего содержащейся в них полемикой, показывающей, как, что и в каком направлении критиковал и поправлял Щедрин в произведениях народников-беллетристов, отвергая некоторые их вещи совсем. Вновь открытые материалы еще раз показывают, что особенной близости между собственно народнической частью сотрудников «Отечественных Записок» и Щедриным не было. Изучение критики Щедриным тех или иных сторон народнического мирозерцания на конкретном материале его отзывов о произведениях народнической беллетристики является несомненно задачей большого исследовательского интереса и значения. Ряд публикуемых писем дает материал для такого изучения, чем и определяется мера ценности этих документов. Материалы для литературно-политической биографии Щедрина дают в той или иной мере, разумеется, все публикуемые письма, но больше всего пожалуй, письма к А. М. Жемчужникову, наиболее богатые информацией о «трудах и днях» самого Щедрина и редактируемого им журнала.

Таков вкратце состав данной публикации. Все письма снабжены необходимыми сопроводительными примечаниями (в большинстве своем они составлены нами, исключения — комментарий Я. Эльсберга и Н. Яковлева — оговорены в тексте), поясняющими как отдельные «темные места» писем Салтыкова, так и их идейное содержание. По существу этих примечаний, которые в ряде случаев правильнее называть комментарием, следует сказать следующее. Помимо обычных справочных задач наши примечания в ряде случаев преследовали ряд специальных. Особые усилия были приложены к тому, чтобы возможно точно датировать письма Салтыкова. Аргументация датировки, особенно там, где нужно было исправить прежнюю неправильную дату письма, а иногда и необходимость раскрытия адресата не обозначенного в самом письме (напр. письмо И. Павлову), требовали сплошь и рядом привлечения довольно обильного материала, в том числе и архивного, неизданного. Благодаря этим обстоятельствам, почти неизбежным при первичной публикации документов, примечания наши несколько разрослись.

За помощь в подготовке данной публикации приносим благодарность Н. Д. Эфрос.

С. Макашин

1

Е. И. ЯКУШКИНУ¹

Тверь. 11 Мая [1861].

Извините меня, многоуважаемый Евгений Иванович, что тревожу Вас покорнейшею моею просьбой. В бытность мою в Ярославле, я сообщал Вам о желании моем приобрести усадьбу вблизи этого города или же хотя и подальше, но на Волге, и Вы были так обязательны, что обещали мне Ваше содействие по этому делу. В настоящее время до меня дошло сведение, что в 10 верстах от Ярославля продается усадьба Шелахово (по Московскому шоссе) г. Кафтырева, бывшая Бёма. Усадьбу эту очень хвалят, но прежде, нежели осмотреть ее лично, я желал бы иметь некоторые подробности оней. Вы бесконечно обязали бы меня, если б разузнали, действительно ли и за какую цену продается эта усадьба, есть ли в ней дом, сад и другие хозяйственные заведения, сколько имеется при ней земли и какого качества, сколько рогатого скота и т. п., а также поселены ли и в каком количестве крестьяне или дворовые люди. Если бы можно было достать подробную опись имению, то это, разумеется, было бы весьма удобно. Снова прося Вас извинить меня за делаемое Вам беспокойство, пишу себя надеждой, что Вы не оставите меня без ответа на настоящее письмо мое².

Крестьянское дело в Тверской губернии идет довольно плохо³. Губернское Присутствие очевидно впадает в сферу полиции, и в нем только и речи, что об экзекуциях. Покуда я ездил в Ярославль, уже сделано два распоряжения о вызове войск для экзекуций. Крестьяне не хотят и слышать о барщине и смешанной повинности, а помещики, вместо того чтоб уступить духу времени, только и вопиют о том, чтобы барщина выполнялась с помощью штыков⁴. Я со своей стороны убеждаю, что военная экзекуция мало может оказать в таком деле помощи, но, как лицо постороннее занятиям Присутствия, имею успех весьма ограниченный⁵. Впрочем я с своей стороны подал Губернатору довольно энергический протест против распоряжений Присутствия, и надеюсь, что на днях мне придется слететь с места за это действие⁶. Всех хуже действует, всех громче и настоятельнее говорит о необходимости экзекуций Коробин⁷, с которым я даже перестал кланяться из-за этого.

Здесь разнесся слух, что кн. Оболенского⁸ переводят в Москву. Если это так, то нельзя не сожалеть, что Ярославская губерния лишится такого хорошего человека. О том, кто должен быть назначен на его место, еще нет никаких известий.

Прошу Вас верить искренности моего к Вам уважения и преданности, с которыми и остаюсь

готовый к услугам

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Якушкин, Евгений Иванович (1826—1905) — сын декабриста И. Д. Якушкина, юрист-этнограф, известный главным образом исследованиями в области русского обычного права. С 1859 г. служил в Ярославле сначала управляющим Палатою государственных имуществ, затем управляющим Казенной палатою, был членом Губернского по крестьянским делам присутствия, принимал деятельное участие в проведении крестьянской реформы в своей губернии.

Знакомство Салтыкова с Якушкиным произошло вероятно в конце 1859 или в начале 1860 г. в связи с семейным разделом салтыковской вотчины в Ярославской губернии. Дальнейшие отношения Салтыкова с Якушкиным, как показывает их переписка, также поддерживались преимущественно на почве имущественных интересов писателя, связанных с его ярославским имением.

и то многому и вѣрю.

Прости мое бурное и неряшливое
но все же удивление и признательность, с
которыми и пишу.

твоему почитателю,

К. Е. Салтыков

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К. Е. И. ЯКУШКИНУ ОТ 11 МАЯ 1861 г.
(ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА)

Архив Всесоюзного Общества Политкаторжан и Сельно-Поселенцев, Москва

² Намерение Салтыкова купить усадьбу Кафтырева не осуществилось. Вместо нее в 1861/62 г. было куплено подмосковное имение Витенево (см. об этом в «Воспоминаниях» А. М. Унковского. — «Русские Ведомости» 1894 г., № 115).

³ Данный абзац и текст печатаемого ниже письма к Е. И. Якушкину от 7 июня 1861 г. являются важными и вместе с тем единственными в известной нам пока переписке Салтыкова свидетельствами отношения его к конкретным случаям крестьянских волнений, с которыми он сталкивался во время своего тверского вице-губернаторства с 3 апреля 1860 по 22 декабря 1861 г. Позиции Салтыкова по вопросу о волнениях, которыми ответили «освобожденные» крестьяне на манифест 19 февраля, изложены в двух его публицистических статьях 1861 г.: «К крестьянскому делу» («Московские Ведомости» 1861, № 94 от 30 апреля) и «Несколько слов об истинном значении недо-разумений по крестьянскому делу» (там же, № 128 от 11 июня). Обе статьи, написанные в непосредственной хронологической близости с публикуемыми письмами к Е. И. Якушкину, являются лучшим комментарием к ним. К этим статьям мы и отсылаем читателя.

⁴ Законодательство 19 февраля, как известно, на два года оставляло крестьян относительно отбывания «господских денежных и смешанных повинностей» в том же положении, в каком они были прежде. Подавляющее большинство крестьянских восстаний непосредственно вызывалось сопротивлением крестьян именно данному пункту «Положения».

⁵ В состав «Губернского по крестьянским делам присутствия» входили по положению четыре так называемых коронных члена (губернатор, губ. предводитель дворянства, управляющий палатой государственных имуществ и губ. прокурор) и четыре члена из местных дворян-помещиков. Салтыков по своему служебному положению как вице-губернатор членом присутствия не являлся, но, как показывают сохранившиеся «протоколы занятий присутствия» (хранятся в Калининском отделении МОА), принимал в его деятельности большое участие.

⁶ «Протест» Салтыкова нам удалось разыскать в делах канцелярии тверского губернатора (Калининск. отд. МОА). Время и обстоятельства не дали возможности воспроизвести новонайденный текст здесь. Документ будет опубликован в одном из ближайших выпусков «Летописей Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики».

⁷ О Коробьине см. примечание 4-е к следующему письму.

⁸ Оболенский, Алексей Васильевич, князь (1819—1884) в 1861 г. исправлял в течение короткого периода должность военного и гражданского губернатора г. Ярославля, затем был переведен на ту же должность в Москву.

2

Е. И. ЯКУШКИНУ

Тверь. 7 Июня [1861]

Благодарю Вас, многоуважаемый Евгений Иванович, за сообщение сведений по имению Кафтыревых. В настоящее время, я, к сожалению, не могу оставить Твери, чтобы лично осмотреть это имение, и потому поручил этот осмотр моему брату¹. По всей вероятности, он явится к Вам, и я надеюсь, что Вы не откажете ему в совете и содействии в этом важном для меня деле.

Крестьянское дело идет в Тверской губернии столь же плохо, как и в Ярославской. В течение Мая месяца было шесть экзекуций; в одной выпорол 17 человек, в другой троих, в третьей двоих: в трех случаях солдатики постояли постояли и ушли². Но с тех пор, как вступили в должность мировые посредники, потребность в экзекуциях начинает ослабевать. Гр. Баранов³ очевидно действует таким образом по слабости рассудка; им совершенно овладел Коробьин⁴, который рассвирепел ужасно и с которым вследствие сего я перестал кланяться. Вам, быть может, покажется ребячеством с моей стороны подобная штука, но увы! Я и до сих пор не свегда умею скрывать свои чувства, особенно если это чувства омерзения. Свиристость Коробына произошла от того, что он получил известие, что в Михайловском уезде (Рязанской губ.), где у него находится имение, крестьяне ворвались в Земский суд и стоптали исправника. Отсюда ярость, отсюда приурочение личной боязни к принципу общему⁵. «Это они пробуют свои силы!» — вопиет Коробьин. — Свои силы, бессознательно повторяет

Баранов, и вслед за этим краснеет. И несмотря на свою стыдливость, посылает команды. Я пытался усовещевать его, подал даже формальную бумагу с доказательственными нелепостями его действий; но и тут Коробьин подпакостил: «пускай, говорит, волнуется, а вы идите себе своей дорогой: вас, говорит, за бездействие власти под суд отдадут». С тех пор Баранов встречается со мною, и краснеет: краснеет и посылает команды⁶.

Об Арнаутовском погроме⁷ нам кое-что известно и здесь. Командир полка, бывшего на экзекуции, доносил Начальнику Дивизии (полк квартирует в Кашине), что один эскадрон еще оставлен в имении, с таким распоряжением: выводить людей каждый день на барщину и каждый же день резать по крестьянской корове на мясные порции. Дуббельт, перед отправлением в экспедицию, был в Твери и говорил другу своему Баранову: я стрелять не стану, а только всех их кур и коров передую. И Баранов ничего, даже не замаяхнулся на своего друга, даже не назвал его сукиным сыном. Я слышал это от очевидца, которому можно дать полное вероятие.

Еще одна новость: Вам, вероятно, известно дело Калужского Арцимовича⁸, теперь оно кончилось. Государь вызывает его для объяснений в Москву и одобрил его действия. Арцимович еще ни разу не посылал команды. Что на него жаловались дворяне — это не диво, но даже соседние Губернаторы доносили, что им житья нет от того, что Арцимович не порет. Имена этих достойных сановников: П. М. Дараган и А. П. Самсонов⁹. Оболенского жаль действительно; кто на его место — еще неизвестно.

Прощайте; быть может, в Июле увидимся.

Весь ваш

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сергей Евграфович Салтыков.

² Данное свидетельство Салтыкова интересно тем, что лишний раз показывает, насколько преуменьшались даже в секретных правительственных документах сведения о количестве крестьянских беспорядков и их усмирении. Так например, по донесениям флигель-адъютанта кн. Витгенштейна в Тверской губернии за июль 1861 г. «имел место лишь один случай неповиновения крестьян» (в имении Лихачева) и он обошелся якобы без применения «мер строгости» («Всеподданнейшие донесения флигель-адъютантов свиты его величества генералов и генерал-адъютантов об обнаружении и приведении в действие Положения 19 февр. 1861 г.», т. III с марта по июль 1861 г. Документы хранятся ныне в ГАФКЭ в составе дел «Секретного и Главного Комитета по крестьянским делам», № 106).

³ Баранов, Павел Трофимович, граф (1815—1864) — в период с 1857 по 1862 г. тверской губернатор, пользовавшийся особым доверием и личной дружбой Александра II.

⁴ Коробьин, Владимир Георгиевич, камер-юнкер — в 1860—1862 гг. управляющий Тверской палатой государственных имуществ, ярый крепостник. Его фамилия упоминается Герценом среди «атаманов государственного разбоя», получивших августейшую благодарность за сбор с государственных крестьян податей в количестве, превышающем годовой оклад (статья «Августейшая благодарность за государственный разбой», «Колокол» от 15 июня 1860 г., или Соч. Герцена, под ред. Лемке, т. X, стр. 338).

⁵ Сформулированную здесь тему Салтыков скоро (в конце 1861 г.) сатирически разработал в очерке «К читателю» («Современник» 1862 г., № 2). Здесь он писал о «приурочивании вопросов общих, исторических к пошленьким интересам скотного двора своей собственной жизни».

⁶ Вся эта сатирически заостренная, как бы выхваченная из «Истории одного города» характеристика действий тверских помпадуров в «крестьянском деле» дополняется следующим признанием Салтыкова в письме к П. В. Анненкову от 16 мая 1861 г.:

«...мне в настоящую минуту так гадко жить, как вы не можете себе представить. Тупоумие здешних властей по крестьянскому делу столь изумительно, что нельзя быть без отвращения свидетелем того, что делается» («Письма», стр. 24).

⁷ По донесению откомандированного в Ярославскую губернию «флигель-адъютанта свиты его величества» генерал-майора Дуббельта 3-го дела, называемое Салтыковым «Арнаутским погромом», рисуется следующим образом. Крестьяне углицкого уездного

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ
ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГОТОВЛЯЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ACADEMIA». 1934 г.

предводителя дворянства Арнаутова в числе 800 человек «вышли из всякого повиновения», отказались от исполнения полевых работ и оброк соглашались вносить в размере, уменьшенном против установленного «Положением». На угрозы Дуббельта «прислать им несколько эскадронов драгун, которые будут жить на их продовольствии», крестьяне «отвечали, что не боятся прихода целой дивизии, ибо чувствуют себя вполне правыми». Губернские власти признавали, что крестьяне действительно находились в большом притеснении от помещика, но «возможное облегчение их ранее подчинения полагалось опасным», ибо, по заключению Дуббельта, это «возымело бы самое пагубное влияние на всех окрестных крестьян, объявивших, что поведение арнаутовских крестьян будет руководством их собственному образу действий». В ответ на донесение Дуббельта Александр II дал «высочайшее разрешение» судить арнаутовцев военным судом, но до этого, судя по документам, дело не дошло, т. е. после того, как в непокорные деревни были введены войска и были арестованы «зачинщики», крестьяне, по словам рапорта, «покорились и стали работать на помещика» («Дела секретного и Главного Комитета по крестьянским делам», т. III, 1861 г., № 106, лл. 317—323; ГАФКЭ, дело № 166).

⁸ Арцимович, Виктор Антонович (1820—1893) — в период, к которому относится письмо, калужский губернатор, либерал. «Мирную» политику Арцимовича в деле усмирения волнения на Мальцовских заводах («ни разу не посылал команды») шумно одобряло все либеральное дворянство. Сочувственно отнесся к ней в 1861 г. и Салтыков.

⁹ Дарган I, Петр Михайлович, генерал-лейтенант — военный и гражданский губернатор Тульской губернии; Самсонов, Александр Петрович, генерал-майор — военный и гражданский губернатор Смоленской губернии (см. «Памятную книжку на 1861 год»). Оба генерала «прославились» кровавыми «апраксинскими» методами, подавления крестьянских восстаний в управляемых ими губерниях (см. об этом в ст. А. З. Попельницкого «Первые шаги крестьянской реформы» в т. V сборников «Великие реформы». М., 1911 г., стр. 196—198).

3

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ

29 Апреля [1862 г.] Москва

Милостивый Государь

Николай Гаврилович.

Возвращая корректуры, прошу Вас извинить меня, что так долго продержал их; дело в том, что я был в деревне в то время, как [они] мне были присланы. Мне кажется, что Вы придаете «Каплунам» смысл, которого они не имеют¹. Тут дело совсем не об уступках, а тем менее об уступках в сфере убеждений, а о необходимости действовать всеми возможными средствами, действовать настолько, насколько каждому отдельному лицу позволяють его силы и средства. Эту же самую мысль я провел в имеющейся у Вас программе предполагаемого нами журнала². По моему мнению, главное теперь — единство действия и дисциплина. Если будет существовать эта последняя, то, само собой разумеется, устранится возможность множества ошибок.

Впрочем, я желаемые исправления сделал.

Очень жаль, что Вы не прислали мне цензорскую корректуру, ибо я не надеюсь, чтоб цензор пропустил все в том виде, как оно написано.

Соболезную также о пропаже одной моей статейки³. Если она сыщется, то потрудитесь напечатать ее вместе с прочими первым номером. Эта статейка не более полулиста займет и печатать ее особо не стоит. Если же она не найдется ко времени, то не печатайте совсем; я тисну ее где-нибудь в газетке.

Сделайте одолжение, прикажите выслать мне несколько оттисков прилагаемых статей и несколько оттисков «К читателю»⁴.

С истинным уважением имею честь быть

покорнейшим Вашим слугой,

М. Салтыков

Москва.

29 апреля.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА
К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ
«ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГО-
ТОВЛЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «АСАДЕ-
МА», 1934 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Очерк «Капуны», написанный в 1862 г., не был помещен в «Современнике», так как против его помещения высказался Чернышевский. Об этом факте было известно из письма Щедрина к Пышину от 6 апреля 1871 г. (см. «Неизданные письма», стр. 38). «Капуны» были опубликованы только в № 13 «Нивы» за 1910 г., а в наше время напечатаны в сборнике «Неизданный Щедрин» (Ленинград, 1930. «Издательство писателей»), где Иванов-Разумник дал очерку совершенно неверное истолкование.

Публикуемое Н. В. Яковлевым письмо дает ценный материал для уточнения идейных расхождений Чернышевского и Салтыкова в 1862 г.

«Капун» для Салтыкова — «консерватор по природе и даже несколько доктринер». Капунов он в своем очерке делит на «веселых» и «угрюмых». «Веселые каплуны» это те, что «удовлетворяются истиной минуты», это очевидно обыватели от политики то либеральствующие, то подпевающие реакционерам. Гораздо интереснее для нас «угрюмые каплуны» — «капуны будущего». Салтыков так передает их «курлыкание»:

«Жизнь, которую мы знаем, и с которой имеем дело, есть старый выветрившийся хлам... Надобно обратиться к идеалам, надобно забыть об отживающих (хотя и торжествующих еще) формах жизни» (сб. «Неизданный Щедрин», стр. 65).

Свою же собственную позицию Щедрин формулирует так:

«Несомненно, что текущая жизнь изобилует мерзостью и что формы ее, перед судом безотносительной истины, равно несостоятельны, но на практике дело складывается несколько иначе. Вот мерзость мерзкая, и вот мерзость еще мерзейшая: я оставляю за собой право выбора и избираю просто мерзкую мерзость предпочтительно перед мерзейшею. Я не только не отрицаю идеалов, но даже нахожу, что без них невозможно дышать, и за всем тем не могу, однако, признать, чтоб мне следовало жить только в будущем, потому что у меня на руках настоящее, которого мне некуда деть и которое порядочно-таки дает мне чувствовать себя всякого рода тычками и пощипываниями» (стр. 68).

Далее Салтыков жаловался, что угрюмым каплунам «дела нет до того, что в бесконечной цепи живых существ субъект, которого они сейчас обгадали, быть может составляет ближайшее звено к ним самим, что вся разница между ним и ними заключается в том, что он жил деятельной жизнью, а они отдыхали».

Но при всем том Салтыков именно в «угрюмых каплунах» видел союзников себе: «все равно, мы пойдем за вами... мы пойдем потому, что стремления ваши нам сочувственны, а глуповское мирозерцание вызывает в нас тошноту».

Нетрудно понять, что Салтыков здесь обращался к демократическому лагерю, к лагерю молодой революционной интеллигенции.

1862 год был годом переломным для Салтыкова, годом разрыва с либерализмом. В его полемике с «угрюмыми каплунами» чувствуется еще неопределенная двойственность его позиции. С одной стороны, ему «сочувственны» именно стремления «каплунов будущего». Но с другой — его пугает их прямолинейность, резкость, беспощадность и наконец их революционное нежелание считаться с «настоящим». Здесь следует иметь в виду, что, создавая образ «угрюмого каплуна», Салтыков явно имел в виду не Чернышевского, не вождя демократического лагеря, а рядового интеллигента-демократа, разночинца. Несомненно, что со стороны молодой разночинной интеллигенции Салтыков — недавний бюрократ — встречал недоверие, отчужденность и отсутствие тактической гибкости. Бесспорно также, что в рядах демократической интеллигенции встречались и доктринеры, и фразеры, столь пугавшие Щедрина. В «Каплунах» сказывалось и стремление Салтыкова к подлинной практической передке действительности, и непонимание им того, как революционная мысль перерастает в революционную практику, непонимание и последней.

Поэтому-то Салтыков и рисковал вступить на дорогу компромисса с «мерзостью мерзкой» (в отличие от «мерзости мерзейшей»), на дорогу «уступок», против которых не мог не возражать Чернышевский.

А Иванов-Разумник, который тщательно затушевывает все идейные разногласия между Чернышевским и Салтыковым, уверяет, что Салтыков под «угрюмыми каплунами», «каплунами будущего» подразумевал... либералов! (стр. 8 и 309.)

² Программа «Русской Правды», того журнала, который Салтыков хотел издавать в 1862 г., действительно соответствует идейным позициям, отразившимся в «Каплунах».

Программа журнала (см. «Письма», стр. 03—08), написанная, как явствует из публикуемого письма, самим Салтыковым, исходила из констатирования «недостатка единодушия... в различных оттенках партии прогресса», провозглашала «не столько единство принципов, сколько единство действия», предлагала споры «относительно основных принципов» перенести на более позднее время и «относиться друг к другу с всевозможной осторожностью». Выдвигая на первый план «практическую деятельность», в которой могли бы объединиться и «социалист», и «экономист» (т. е. буржуа), программа подчеркивала вместе с тем важность отдаленных идеалов.

«Русская Правда» представляла собой безнадежную попытку создать блок между демократами и либералами. В 60-х годах, в условиях обострения реакции, в условиях все более отчетливого поправления испуганных революционными перспективами либералов, программа «Русской Правды» не имела под собою реальной почвы.

В последующие годы в связи с общей эволюцией Щедрина решительно изменились и его взгляды на соотношение «практики» и «идеалов». Так в последнем «Письме к теньке» Щедрин писал о «практике» — «не с тем туда приходят, чтобы подчинить темные силы заветной идее, а с тем, чтобы подчинить идею темным силам и потом исподволь вызвать у последних благосклонное согласие хоть на какую-нибудь крохотную сделку». Здесь сам Щедрин опровергает мысли, высказанные в «Каплунах».

³ Возможно, что под «пропавшей статейкой» следует понимать один из очерков «Глуповского цикла»: «Глупов и глуповцы. Общее обозрение» (опубликовано в 1926 г. Н. Яковлевым в «Красной Нови», кн. 5).

⁴ Очерк «К читателю» был опубликован в февральской книжке «Современника» за 1862 г. О каких других статьях и оттиках идет речь — неясно.

Я. Эльсберг

4

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

Петербург. 30 Апреля. [1869 г.]

Я совершенно недоумеваю, многоуважаемый Алексей Михайлович, почему Некрасов не отвечает Вам. После того письма, при котором я послал к нему Ваше стихотворение¹, я еще раз писал к нему, и на последнее письмо получил уже ответ. Но о стихах Ваших ни слова. Я толкую это во-первых свойственно Некрасову нерадивостью, а во-вторых тем, что он, вероятно, надеется видиться с Вами лично.

Теперь, согласно желанию Вашему, считаю долгом высказать мое личное мнение о стихах Ваших. Мне кажется, что Вы, находясь долгое время за границей, несколько утратили чувство современной русской действительности. Катков и Скарятин, против которых направлена Ваша поэма², в сущности, не могут представлять достаточного предмета для негодования. Катков был когда-то чем-то; теперь — это простой маниак, который всякий вопрос сводит на дела северо-западного края. Что касается до Скарятин.

то это такая гнида, о которой не только говорить, но и мыслить неудобно. Наша современная действительность такова, что даже Скарятин, обобщенный и возведенный в перл создания, представителем ее служить не может. Затишье полное; не о чем говорить, не к чему прикасаться, не против чего возражать. И в то же время чувствует какая-то тупая [тоска?] На Вас, вероятно, находили минуты бездействия, когда никакой вопрос не приходит на ум, кроме: куда бы пойти или куда бы деваться? Нечто подобное делается ныне в нашей общественной жизни, в нашей публицистике и литературе. Вкус к жизни исчез: смотришь на себя как на постояльца, и не вследствие какой-нибудь борьбы или тревог, а вследствие всеобщей безалаберщины и неустойчивости.

В поэтическом образе подобное положение вещей могло бы дать материал для картины, не лишенной интереса.

Мнение мое, в этом смысле, о стихах Ваших я высказал и Некрасову, в чаянии, что он передаст его Вам. Мне кажется, что было бы лучше не печатать этих стихов.

Извините меня, что я, быть может, излишне откровенен с Вами. Во-первых, Вы сами вызываете меня на откровенность; во-вторых, я думаю, что относительно Вас это просто обязанность, не выполнить которую я считаю себя не в праве.

До свидания; жму Вашу руку.

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. письмо Салтыкова к Некрасову от 5 апреля 1869 г. Оно опубликовано В. Е. Евгеньевым-Максимовым, в жур. «Печать и революция» 1927, кн. 4.

² Имеется в виду сатирическая поэма А. М. Жемчужникова «Пророк и Я» (1868 г.), направленная против Каткова. Повидимому в первоначальном своем виде поэма была обширнее и включала главы, не вошедшие в окончательный текст «Собрания стихотворений» Жемчужникова (2 т., СПб., 1892, 1910). Одна из этих глав, судя по тексту письма

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА
К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ
«ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГОТОВ-
ЛЯЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «АКАДЕ-
МІА», 1934 г.

Салтыкова, была сатирически заострена против известного реакционного публициста В. Д. Скарятин и издававшейся им совместно с К. Юматовым газеты «Весть» — органа крайнего правого крыла дворянства, протестовавшего против реформы 1861 г. В качестве другой главы в поэму входило также стихотворение «Кентавр», как это явствует из одной строки стихотворения, приведенного в письме Некрасова к Жемчужникову от 14 мая 1869 г. («Русская Мысль» 1913, кн. II). Поэма в «Отечественных Записках» напечатана не была. И Салтыков, и Некрасов считали, что приемы и характер полемики, предложенные Мемчужниковым (абстрактное моралистическое обличение), не отвечают требованиям политического момента. Мотивируя свой отказ напечатать в 1868 г. отрывок из поэмы, Некрасов писал Жемчужникову: «... вы вероятно не читали всего, что в последние годы писалось по поводу Каткова в либеральной части мелкой прессы. Все те мотивы, на которых построена ваша характеристика Каткова, многократно и прозой и стихами были там трактованы..., так что большая часть ваших строф не имеет ни новости, ни силы. Это мнение мое и двух-трех ближайших помощников по редакции» («Русская Мысль» 1913, кн. 2, письмо от 5 мая 1868 г.). Любопытно, что Жемчужников «пожаловался» на Некрасова и Салтыкова Тургеневу и получил от него сочувственный отзыв, «...мне очень жаль, что Некрасов не принял вашей поэмы; видно этот кулак нашел ее делом «не подходящим»» («Русская Мысль» 1914, кн. I, письмо от 30 мая 1896 г.).

5

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ.

П.бург. 9 Февраля [1870 г.]

На письмо Ваше, многоуважаемый Алексей Михайлович, поспешаю ответить, что стихи Ваши и письмо Некрасовым получены, но Некрасов не отвечал Вам по болезни. По объяснению Некрасова, стихи Ваши имеют быть напечатаны в Мартовской книжке¹. Что вы так надолго западали за границу? Кажется, надо бы и про нас вспомнить, про нас, которые здесь живут и пишут. Право, литератору не лишнее жить среди тех интересов, о которых очень часто болит сердце его, как члена известной национальности. Плоха нынче литература стала; она носит на себе печать того же брожения, которое примечается и в обществе. Ничего цельного и законченного; все какие-то отрывки и мелочи. Старое отживает, новое нарождается туго. Как хотите, а и наши с Вами дни сочтены. Один гр. Ал. Толстой не унывает и продолжает Византийские предания. На днях он давал представления в Москве, т. е. читал в обществе любителей Р. Слов. Царя Бориса².

Распоряжение о высылке Вам Отеч. Записок сделано.

Крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В мартовской (3-й) книжке «Отечественных Записок» за 1870 г. были напечатаны «Современные песни» А. М. Жемчужникова: 1) «О, скороль минет это время», 2) «Эпохи знамения», 3) «Кентавр», 4) «Современному гражданину», 5) «Старик».

² «Византийским преданием» назвал Салтыков «Князя Серебряного» А. Толстого в своей сатирической рецензии-пародии на роман (см. «Современник» 1863, кн. 4); в ней вскрывалась основная реакционная идея этого произведения, сформулированная в словах: «не расти двум колосьям в уровень, не сравнять крутых гор с пригорками, не бывать на земле безбоярщине»... Чтение А. К. Толстым своей трагедии «Царь Борис» в Обществе любителей российской словесности состоялось 8 февраля 1870 г. (см. «Словарь общества любителей российской словесности», М.). Отсюда и датировка письма, неправильно отнесенного в первой публикации к 1872 г.

6

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

10 Июня [1870]. П.бург. Фурштатская, № 33.

На два полученных мною Ваших письма, многоуважаемый Алексей Михайлович, спешу (хотя, сознаюсь, не вполне поспешно) уведомить, что

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ
ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГОТОВЛЯЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ACADEMIA», 1934 г.

стихи Ваши получены и будут напечатаны в Августовской книжке (в Июльской уже места нет)¹. Все требуемые Вами исправления будут выполнены в точности. Некрасова нет: уехал в деревню и возвратиться в половине Июля, а в начале Августа поедет в Диепп. Я пробуду в П[етербурге] до 25 Июня, и потом до Августа скроюсь в деревню. Пишу это Вам для соображения, если встретится какая-нибудь надобность.

Весь Ваш

М. Салтыков

10 Июня

П.бург

Фурштатская, № 33.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В августовской книжке «Отечественных Записок» за 1870 г. напечатано стихотворение Жемчужникова «Неосновательная прогулка». Отсюда — в сопоставлении с поездкой Некрасова в Диепп — и датировка письма, неправильно отнесенного в первой публикации к 1868 г.

7

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

22 Июня [1870 г.]¹

Если желаете писать к Плещееву, многоуважаемый Алексей Михайлович, то адрес его следующий: Москва, в Почтамт, контрольному чиновнику и поэту А. Н. Плещееву. Мы все так ему пишем, и письма доходят верно. Настоящего же адреса не знаю, потому что Плещеев беспрерывно меняет квартиры, и при том он грустен. Братца Вашего, Александра, перевели в Псков на такую же должность². Братец Ваш, Владимир, слился с Гр. Бобринским³ и, кажется, в совокупности с ним и Гр. Ал. Толстым⁴, намеревается издать трактат о пользе классического образования, как умеряющего вред, производимый знанием вообще, и взамен оного доставляющего якобы знание. О прочих братцах ничего не знаю. Двоюродный же Ваш братец, А. К. Толстой, в бытность свою в Петербурге устроил следующее. Здесь хлопочут некоторые об устройстве реальной, женской гимназии и разумеется, собирают деньги, устраивают концерты, чтения и проч. На одно из чтений пригласили и Толстого в надежде, что он прочтет отрывок из Бориса Годунова и тем привлечет к себе публику, чтущую память Кукольника. Что же он сделал? — в чтении в пользу женских гимназий прочел стихотворение Против течения. Думал, что его ошаркают, а случилось напротив: много раз вызывали и заставляли повторить⁵.

Здесь был Тургенев⁶.

Сей старец дорог нам; он жив среди народа

Священной памятью...

Шестьдесят второго года.

Стиха не выходит, но верно⁷.

Весь Ваш

М. Салтыков

22 Июня

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹ Дата письма определяется на основании хронологического сопоставления следующих фактов, упоминаемых в тексте письма: перевода Алексан. М. Жемчужникова на службу в Псков, приезда И. С. Тургенева в Петербург и чтения А. К. Толстым своей трагедии «Борис Годунов» (см. ниже).

² Александр Михайлович Жемчужников — крупный чиновник, один из соавторов «Козьмы Пруткова», был в 1870 г. переведен в Псков на должность вице-губернатора (см. «Памятную книжку Псковской губернии за 1870 г.», вып. I. Псков, 1870, стр. 2).

³ Владимир Михайлович Жемчужников в 1868—1871 гг. состоял чиновником особых поручений при министре путей сообщения графе Владимире Алексеевиче Бобринском (2-м).

В апреле 1870 г. В. Жемчужников стал одним из директоров Киево-Брестской железной дороги и вскоре после того переехал на жительство в дом Бобринских. Пользуясь своей близостью к министру, Жемчужников, по свидетельству А. И. Дельвига, неоднократно добивался для своего Общества ряда льгот и ассигнований, в которых повидимому материально заинтересован был и сам Бобринский (А. И. Дельвиг «Полвека русской жизни». — «Academia», М.—Л., 1930, т. II, стр. 407 и сл.).

⁴ Повидимому, описка Салтыкова. Ироническое предложение об издании «трактата о пользе классического образования» ассоциируется конечно не с Ал. Толстым, а с министром народного просвещения (в период 1866—1880 гг.) гр. Дмитрием Андреевичем Толстым, жестко проводившем пресловутую «систему классического образования» в качестве одного из средств реализации политики помещичье-дворянской реакции.

⁵ Салтыков резко отрицательно отнесся к «Царю Борису» А. Толстого (напечатана трагедия в мартовской книжке «Вестника Европы» за 1870 г.). Реакционные, патристически-националистические устремления пьесы сближаются Салтыковым с «памятью» незадолго перед тем умершего (1868 г.) Нестора Кукольника, чьи драмы действительно установили своего рода канон историко-патристического жанра. Еще резче отнесся Салтыков вместе со всем лагерем демократической литературы к стихотворению А. Толстого «Против течения» («Русский Вестник» 1867, № 6) — этому яркому манифесту «чистого» и «аполитичного» искусства.

⁶ В 1870 г. Тургенев приехал в Петербург 21 мая и пробыл там неделю (см. Н. М. Гутьяр. «Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева». СПб., 1910, стр. 76).

⁷ Ироническая перифраза стихов А. Пушкина из «Второго послания цензору»:

Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа

Он славен славою двенадцатого года

Смысл щедринской эпиграммы будет ясен, если мы вспомним, что в «шестьдесят втором году» (1862) Тургенев был привлечен правительством к ответственности по обвинению в сношениях с Герценом, Огаревым и другими «лондонскими пропагандистами» («Процесс 32»). Показания перепутанного и стремившегося оправдаться перед Александром II Тургенева, все его трусливое, переходящее в предательство поведение в этом деле возбудили против него многих из его «друзей» — революционеров и демократов, в первую очередь самого Герцена, а также весь состав редакции «Современника». Кроме того к 1862 г. относится появление знаменитого романа Тургенева «Отцы и дети». Салтыков резко выступил против него на страницах «Современника» (см. хронику «Наша общественная жизнь» в № 1—2 журнала за 1863 г.). Он обвинял Тургенева в том, что своим произведением он оказал «страшную услугу» всему прогрессивному движению, что его роман объективно сыграл на руку реакции. «Слово «нигилисты», — писал Салтыков. — пущенное в ход И. С. Тургеневым, не обозначает собственно ничего... Не обозначая собственно ничего [оно], прикрывает собой всякую обвинительную чепуху, какая взбредет в голову благонамеренному... Благонамеренные готовы, чтобы у них поснимали головы, лишь бы иметь право сказать: это они! это нагилисты... Вот какую страшную услугу оказал Тургенев».

8

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

П.бург 25 Ноября [1870 г.]

Все просьбы Ваши, многоуважаемый Алексей Михайлович, мною выполнены, то-есть деньги, по расчету Вашему, переданы В. А. Арцимовичу¹, а 11 № Отеч. Зап. послан к Вам по новому адресу.

Благодарю Вас за слишком снисходительный отзыв об «Истории одного города». Теперь я издал ее вполне, но без иллюстраций, как Вы подаете мне мысль. Иллюстрации ведут за собой цензуру, и при том неизвестно еще, как публика примет это новое мое сочинение. Я должен Вам сознаться, что публика несколько охладела ко мне, хотя я никак не могу сказать, чтоб я попытлся назад после «Губерн[ских] Оч[ерков].» Не считая себя ни руководителем, ни первоклассным писателем, я все-таки пошел несколько вперед против «Губ[ернских] Оч[ерков]», но публика повидимому рассуждает об этом иначе. Вот ежели это издание разойдется быстро, я подумаю и об иллюстрированном и иллюстрации поручу академику Ге, который по моим наставлениям может сделать нечто хорошее. Кстати: я вместе с сим распорядился, чтоб книгопродавец Звонарев выслал Вам экземпляр «Ист[ории] од[ного] гор[ода]», который и прошу Вас принять в знак моего сердечного к Вам уважения².

«Сила событий» действительно принадлежит мне, я не подписался, чтоб не давать поводов к толкованию³.

Я вопрошал Некрасова насчет продолжения «Кому на Руси», но сей празднующий муж только улыбается. Кажется, он готовит нечто для 1-ой книжки 1871 года, но работа идет у него урывками среди увеселений, игры и охоты. Есть у него несколько готовых детских стихотворений (прелестных), может быть, он и ограничится их помещением⁴.

Скажите серьезно: будете ли Вы когда-нибудь в России? Что до меня, то я с ума бы, кажется, сошел от ностальгии. Впрочем, я ни разу не бывал за границей и потому в этом деле не судья.

Адрес мой: Фурштатская, № 33.

Статья «Учение о нравственности» принадлежит П. А. Лаврову, который теперь в Париже. Так как он, повидимому, эмигрировал, то вряд ли придется эту статью кончить⁵.

Душевно Вам преданный
М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арцимович, Виктор Антонович (1820—1893) — известный деятель 60-х годов (см. о нем в прим. к письму № 2), в период к которому относится письмо — сенатор уголовного кассационного департамента. С А. М. Жемчужниковым Арцимович был связан родственно: он был женат на сестре поэта.

² Издание «Истории одного города» с иллюстрациями не было осуществлено. Опасения Салтыкова оправдались. «История одного города» не вызвала при своем появлении (первое отдельное издание в 1870 г.) живого интереса, острых споров, читательского внимания. Книга разбиралась лениво и медленно. Прошло почти десять лет, прежде чем понадобилось второе издание (в 1879 г.). Но к этому времени замысел об иллюстрировании «Истории» видимо отпал. Историческую живопись академика Н. Н. Ге (1831—1894) Салтыков ставил очень высоко; см. напр. его отзывы о картинах «Тайная вечеря» («Современник» 1863, № 11 в хронике «Наша общественная жизнь») и «Петр Великий и царевич Алексей» («О. З.» 1871, № 12 в статье «Первая русская передвижная выставка»).

³ «Сила событий» («Отеч. Зап.» 1970, кн. 10) — важная для уяснения политических взглядов Щедрина статья, посвященная теме «патриотизма», написанная в связи с развязкой франко-прусской войны. Статья была подписана инициалами «М. М.» Позднее при подготовке Собрания сочинений Салтыков включил статью в сборник «Признаки времени».

⁴ Имеются в виду стихи из цикла «Стихотворения, посвященные русским детям» — «Соловьи» и «Дедушка Мазай и зайцы». Первое было напечатано в 10-й книге «Отеч. Зап.» за 1870 г., второе в 1-й книге за 1871 г. Всю зиму 1870/71 г. Некрасов был занят интенсивной работой по собиранию материала для «Княгини Трубецкой» из «Русских женщин».

⁵ Статьи П. А. Лаврова «Современные учения о нравственности и ее история» (по поводу книги W. E. H. Lecky. History of European morals) появились в 3, 4, 5, 6 и 8 книгах «Отеч. Зап.» за 1870 г. анонимно. Отдельное издание их под псевдонимом С. С. Арнольди вышло лишь в 1903/4 г. в СПб. Статьи эти в 70-е и 80-е годы усиленно читались и изучались в кружке революционной молодежи. Так например, тетрадь с обширными выписками из этих статей была отобрана у М. Горького при жандармском обыске в Казани в 1889 г. (см. Б. И. Николаевский. «Первое преступление М. Горького». — «Былое» 1921, № 16, стр. 177). «Эмигрировал» Лавров, т. е. бежал, в феврале 1870 г. при помощи Германа Лопатина из Кадников, Вологодской губернии, куда он был сослан, за границу.

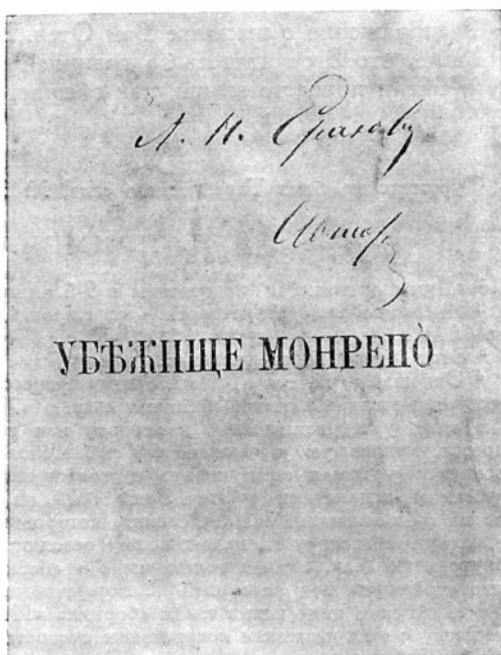
А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

Петербург, 31 Августа [1871 г.]

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Спешу уведомить Вас о получении Ваших стихов, из коих Думы Оптимиста уже набраны и имеют быть напечатаны в Сентябрьской книжке

ГИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЭКЗЕМПЛЯРА
«УБЕЖИЩЕ МОНРЕПО» С ДАР-
СТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ САЛТЫКОВА
А. Н. ЕРАКОВУ
Институт русской Литературы,
Ленинград

Отеч. Записок¹. Другое стихотворение, согласно желанию Вашему, будет напечатано в Октябрьской книжке². Гонорарий будет уплачен в размере Вами назначенном, т. е. 58 р. за оба стихотворения. Что касается до проекта Ваших писем о современном состоянии Германии, то для журнала такого рода письма были бы весьма интересны, и весьма бы желательно было, чтоб Вы поспешили присылкою их. Я говорил с Некрасовым (который куда живет еще на даче близ Чудова и наезжает в Петербург на 1—2 дня) насчет гонорария за эти письма, и он просил передать Вам, что гонорарий этот может быть 80 р. за лист. Если Вы согласны, то ответьте и пришлите, буде возможно, первое письмо. Программа Ваша совершенно подходящая для нас³.

В литературе нашей глубокое затишье. Это можно видеть уже из того, что в настоящее время играет у нас роль такая мразь, как Суворин. Почитайте суждение газет и Вестника Европы по Нечаевскому делу и судите, до чего дошла наша печать. Это царство мерзавцев, готовых за коврижку продать душу. Всякая возможность издавать журнал сколько-нибудь свежий исчезает в виду неизреченного холопства остальной прессы. Даже самая умеренная статья подвергается ostracismu. Я в Августовской книжке поместил статью совершенно спокойную по тону, в которой доказывал, что слово «анархия» употребляется в ненадлежащем смысле и что анархистами должны называться собственно те, которые ставят преграду прогрессу,—и должен был эту статью вырезать в виду угроз для журнала⁴. Личная вражда против меня Шидловского, начавшаяся в Туле (где он был губернатором, а я управляющим Казенной палатой), продолжается и теперь, так что я не знаю, можно ли мне будет оставаться при моей литературной профессии⁵. Прибавьте к этому забавы вольных художников вроде гр. А. К. Толстого, дающих повод своими «Потоками» играть сердцам во чреве наших обскурантов. Не знаю как Вам, а мне особенно больно видеть, как люди, которых почитал честными, хотя и не особенно дальновидными, вооружаются в защиту обскурантизма, призывая себе на помощь искусственную народность.

Распоряжение о высылке Вам Отеч. Записок по новому адресу сделано. Жаль, что Вы остаетесь за границей еще на неопределенное время. Впрочем, ежели приедете зимой, как обещаете, то увидите все сами.

Искренне жму Вашу руку.

М. Салтыков

Фурштатская, близ Таврического сада, № 33.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Думы оптимиста» напечатаны в 9-й книге «Отеч. Зап.» за 1871 г.

² Имеется в виду стихотворение «В Европе», напечатанное в 10-й книге «Отеч. Зап.» за 1871 г.

³ Этот проект не осуществился.

⁴ Отношению печати к «Нечаевскому процессу» — первому гласному политическому процессу в России, Салтыков посвятил статью «Так называемое нечаевское дело и отношение к нему журналистики», в которой зло высмеял охранительную, «благонадежную» прессу, кричавшую о «накоплении неблагонадежных элементов», о «распространении по всему лицу земли коммунизма» и требовавшую у правительства усиления борьбы с русскими нигилистами («Отеч. Зап.» 1871, кн. 9, подпись: «М. М.»). Статья эта обратила на себя внимание III Отделения, которое представило по этому поводу специальную записку Александру II, наложившему резолюцию: «Обратить на это внимание министра внутренних дел». Статья вошла ныне в сборник: «М. Е. Салтыков-Щедрин. Незвестные страницы» под редакцией С. Борщевского. — «Academia», М.—Л., 1932 г.

⁵ Имеется в виду пятая глава сборника «Итоги», в которой Салтыков сделал смелую попытку с нескрываемым сочувствием отозваться на трагическую судьбу героев Парижской коммуны, только что утопленной в крови «версальцами», именуемыми в статье «одичалыми консерваторами современной Франции». Несмотря на всю изощренность эзоповского языка, примененного в статье, цензура ее в печать не пропустила. О запрещении статьи В. Е. Евгеньев-Максимов сообщает так: «В августе председатель Цензурного комитета А. Г. Петров в личном письме на имя начальника Главного управления Шидловского поднял вопрос о пятом очерке цикла «Итоги», уже напечатанном в номере 8-м журнала. Выказывая совершенно правильное предположение, что очерк этот принадлежит Щедрину, Петров обращал внимание своего шефа на то, что автор «настоящими анархистами» считает «консерваторов», т. е. людей, «отдающих общество в жертву всевозможным колебаниям и страхам», а «реформы настоящего царствования» называет «консервативным либерализмом» (В. Евгеньев-Максимов. «В тисках реакции». М.—Л., 1926, стр. 38). В виду такого отзыва Салтыков, спасая книжку журнала от ареста, извлек из нее статью. Она была впервые опубликована В. П. Краинихфельдом лишь в 1914 г. и то в крайне урезанном виде. Полностью (по рукописи и в двух вариантах) статья напечатана Н. Яковлевым в сборнике «М. Е. Салтыков-Щедрин. Незвестные страницы» под ред. С. Борщевского — «Academia» М., 1932 г.

⁶ О вражде Салтыкова с тульским губернатором Михаилом Романовичем Шидловским (в период, к которому относится письмо, — начальник Главного управления по делам печати) см. в записи беседы с Салтыковым М. И. Семевского, опубликованной в этой же книге, см. также статью «Салтыков в Туле», подписанную инициалами «И. М.» («Исторический Вестник» 1902, кн. I, стр. 172) и Л. Ф. Пантелеев. «Из воспоминаний прошлого», СПб., 1908, т. II стр. 154—155.

10

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

Петербург 1 Апреля [1872 г.]

По прочтении Вашей «заграничной сцены»¹, многоуважаемый Алексей Михайлович, спешу от себя и за Некрасова уведомить Вас, что в Апрельской книжке «Отеч. Зап.» ваша вещь не может быть помещена, во-первых, потому, что книжка эта, в минуту получения «Сцены» была уже скомпонована, а во-вторых, потому, что в Апрельском № имеется уже большая поэма Некрасова², и следовательно в одном № помещать две поэмы и неудобно и нечетисто. Затем позволяю себе предложить на Ваше обсуждение следующие соображения. Майская книжка «Отеч. Зап.» выйдет, вероятно, не раньше половины Мая, когда публика разъезжается по деревням и на журналы уже обращает мало внимания; поэтому и для Вас, и для журнала

будет удобнее, ежели Ваша поэма будет помещена осенью, т. е. в Сентябре или позже, как Вы пожелаете. Деньги же, которые Вы за труд Ваш требуете, могут быть выданы и теперь. Ежели Вы согласны на это, то потрудитесь уведомить и я немедленно отошлю 400 р. В. А. Арцимовичу. Если Вам нужно скорее, то телеграфируйте. Во всяком случае, в мае я надеюсь увидеть Вас, ибо я до начала июня не выеду из Петербурга, так как у меня родился сын, к-ого нельзя везти в деревню до тех пор, пока не будет совсем тепло. Вероятно, в Мае застанете еще и Некрасова.

Гр. А. К. Толстой действительно счастливее, если получает по 1 р. с. за стих. К сожалению, наша редакция не настолько богата, чтобы платить такие деньги. Надеюсь, что при свидании Вы сами убедитесь, что мы не имеем ни малейших поползновений эксплуатировать Вас.

Искренне Вам преданный
М. Салтыков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стихотворение «В чем вся суть» с подзаголовком «Заграничные сцены из русской жизни». Напечатано в 5-й книжке «Отеч. Зап.» за 1872 г.

² Имеется в виду поэма Некрасова «Княгиня Трубецкая» (из «Русских женщин»).

11

Н. С. КУРОЧКИНУ¹

Витенево, 4-го Июля [1872]

Посылаю фельетон для Августовской книжки, многоуважаемый Николай Степанович. Если возможно, прикажите его набрать пораньше и корректуру пошлите мне и Некрасову².

Адрес мой я записал в книжке. Я возвращаю корректуру очень скоро.

Весь Ваш.

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Курочкин, Николай Степанович (1830—1884) — брат известного поэта-«искровца», переводчика Беранже; в 70-х годах работал в редакции «Отечественных Записок».

² Речь идет о VII главе «Дневника провинциала в Петербурге», напечатанной в искаженном виде в «Отечественных Записках» за август 1872 г. Об истории «прохождения» этой главы в печати и затруднениях, с которыми встретилась редакция, см. в письмах Салтыкова от 3 июля 1872 г. Некрасову и в письме Курочкина от 1 августа 1872 г. к тому же Некрасову («Архив села Карабижи», М., 1916 г., стр. 175 и 117).

12

П. В. ЗАСОДИМСКОМУ

20 Мая [1874 г. Петербург]

По письму вашему (извините, что не имею чести знать имени и отчества вашего) спешу послать вам записку г. Некрасова на получение 200 р., которые и имеют быть выданы вам из конторы (в том же доме, где живет Некрасов). Что же касается до вашей рукописи, то извините меня: я еще не успел приступить к ее редактированию. Но прошу вас быть уверенным, что я в ущерб ей ничего не сделаю. Об одном считаю долгом предупредить вас: времена тяжелые наступили и 5-й № «Отеч. Записок» арестован и вероятно будет сожжен. Рукопись вашу я беру в деревню, куда выезжаю в Субботу, мы думаем начать печатание ее в Августовской книжке².

Уважающий Вас

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Засодимский, Павел Владимирович (1843—1912) — писатель-народник.

² В майской книжке «Отечественных Записок» 1874 г. были найдены недопустимыми для обнародования целых семь статей, в том числе и IX глава «Благонамеренных речей» Щедрина («Тяжелый год», опубликованный позднее в «Новом Времени» 1876 г., №№ 112—114). Книга была арестована и сожжена (см. статью В. Евгеньева-Максимова «Из истории одного цензурного auto-da-fé» в журнале «Книга и революция» 1921 г., № 12, см. также любопытный отклик на этот инцидент в лавровской зарубежной газете «Вперед», №2, стр. 38 в заметке, озаглавленной «Что делается на родине»).

На письме Щедрина сам Засодимский сделал помету: «Это письмо написано о романе «Хроника села Смурсина». Щедрин отредактировал этот роман летом и с августа он начал печататься в «Отечественных Записках» (книги 8, 9, 10, 12) за подписью Вологдин. Это произведение считается одним из лучших у самого Засодимского и одним из популярнейших в народнической беллетристике.

13

И. С. ТУРГЕНЕВУ

23 Сентября [1875 г.]¹

Пожалуйста, не думайте, уважаемый и дорогой Иван Сергеевич, что не-приезд мой сегодня к Вам — не более как отговорка. Еще вчера, ложась спать, я думал, что увижу Вас сегодня, но проснувшись утром, убедился, что погода опять грозит целым днем дождя, и убоаясь. Недавно перенесенные страдания слишком велики и воспоминание об них чересчур еще живо, чтобы рисковать новым припадком или возможностью его. Прошу Вас извинить и оправдать меня [перед] гр. Соллогубом², а также выразить мое искреннее сожаление Mme Viardot, что я не имел чести быть ей представленным. Я пробуду еще около 4-х недель и надеюсь еще быть у Вас.

Искренне Вам преданный

М. Салтыков

Я послал Вам телеграмму особо.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹ Записка относится ко времени пребывания Салтыкова в Париже с 5 сентября по 20 октября 1875 г.

² Соллогуб, Владимир Александрович (1814—1862) — известный беллетрист, автор «Тарантаса». Салтыков познакомился с ним как-раз в это время, при чем в середине октября присутствовал на устроенном Тургеневым чтении одной его комедии, главным действующим лицом которой является нигилист-вор. О впечатлении, произведенном на Салтыкова этим чтением, см. напр. его письмо Анненкову от 18 октября 1875 г. и др. («Письма». П., 1925 г., стр. 99 сл.).

Е. И. ЯКУШКИНУ

Ницца 31 Янв. [1876 г.]¹

Милостивый Государь

Евгений Иванович.

30 Декабря прошлого года Угличское Уездное.] Присутствие представило в Ярославское Губернское мою выкупную сделку с крестьянами 2-го Заозерского общества². Я не знаю член ли Вы, по новым правилам, Губернского Присутствия, но во всяком случае думаю, что Вы не откажетесь оказать мне содействие к скорейшему рассмотрению этого дела и отсылке в Петербург.

Извините, что пишу Вам такими каракулями — это моя болезнь так пишет. Целый год я борюсь со смертью, и три раза почти в гробе был,

но победил смерти жало, хотя канона мне за это никто не сочинит. В Баден-Бадене даже совсем умер, но, должно быть, вышли какие-нибудь неприятности, потому что я очнулся. Вот и теперь опять возобновляются с половины Декабря припадки ревматизма и правая рука пухнет. От того так и пишу³. А тоскую я здесь — ужасно. В Бадене чистота одолевала. Одна русская нянька говорила мне: все господа здесь, черняди нет — от того и скучно. Плюнуть не на что, а Руси есть веселые плеваты. А в Ницце еще хуже. Пресловутые апельсиновые сады не что иное как огороды, которые поливают разжиженным человеческим калом, отчего по всему городу воняет поносом. Французская цивилизация борется с итальянской: днем

Ваше письмо о продаже моей Аукционированной
многочисленной Кухонной Служащих. Еды,
Восстанови, прилагательных наравне по праву
корреспонденту не должно быть и купавды.
Адрес мой и фамилию в купавды. и купавды
изу корреспонденту орудия.

Ваше Поим,
и Касимов

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К Н. С. КУРОЧКИНУ ОТ 4 ИЮЛЯ 1872 г.
Собрание С. А. Рейсера, Ленинград

дерьмо чистят, а за ночь опять все тротуары усеяны кренделями.

Вычитал я, что Вы книжку об Обычном русском праве издали—вот бы обязали, ежели бы экземпляр выслали; я бы Вам в Мае все сочинения свои прислал за это, ибо я хоть умирать, но в Мае в Россию поеду⁴. Адрес мой по 1-е Апреля нового стиля след.: Nice, Alpes maritimes, Franke, Poste restante.

Кстати бы уведомили и о положении моего выкупного дела. Извините, что беспокою Вас; целый год я с этим выкупным делом вожусь — все Скрипицын его в Угличе тормозил⁵.

Искренне жму Вашу руку и остаюсь навсегда уважающий Вас

М. Салтыков

Ницца
31 ЯНВ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дата письма определяется по месту его отправления: в Ницце Салтыков жил с 27 октября 1875 г. по 17 апреля 1876 г.

² При проведении реформы в ярославском имении Салтыковых в мае 1862 г. все 19 им принадлежавших селений были разделены на две сельские общины: первую составило само село Заозерье с 645 душами крестьян, вторую — все остальные 18 деревень с 108 душами. В связи с этим и были составлены только две уставные грамоты. Размежевание земельных угодий между 18 селениями предоставлялось самим крестьянам.

³ О болезни Салтыкова, вынудившей его уехать для длительного лечения за границу, см. в «Воспоминаниях» Н. А. Белоголового, М., 1889 г. и в ст. В. Розенберга «Салтыков в Ницце». — «Голос Минувшего» 1913, кн. I.

⁴ В Россию Салтыков вернулся 31 мая 1876 г.

⁵ 1876 год был годом завершения затянувшейся выкупной операции в имениях Салтыкова. Упоминаемый Салтыковым Скрипичин — повидимому муж родной племянницы Салтыкова Екатерины, дочери Надежды Евграфовны Салтыковой, в замужестве Елифановой (ум. 1844 г.). Скрипичин служил в Ярославле.

15

Е. И. ЯКУШКИНУ

Ницца 19/7 Марта [1876 г.]

Благодарю Вас, многоуважаемый Евгений Иванович, за письмо и за книгу ¹. Но с книгой случилось происшествие. Я с величайшим интересом начал читать Вашу статью и прочитал до XXXII стр., но тут случилось препятствие. Переплетчик повторил двукратно XXV—XXXII стр. в присланном мне экземпляре, а в другом каком-нибудь, вероятно, вшил два раза XXXIII—XXXX (!) стр., которых у меня нет! так я и не мог ничего узнать о народных взглядах на преступление.

Я крайне Вам обязан за Ваше доброе предложение ссудить меня деньгами. Так как у меня нервная теперь система до того расстроена, что я, подобно Мих. Сем. Щепкину ², все плачу, то и тут взгрустнул. Но, к счастью, я в настоящее время материально обеспечен, и мне остается только благодарить Вас за доброе расположение ко мне. Ежели я хлопочу о выкупе, то потому, что, по случаю смерти брата Сергея, с которым я был в общем владении, я вынужден был выдать братьям обязательства на 15 т. р. и деньги эти могу заплатить только из выкупной ссуды. Притом, право, мне как-то сомнительно, что я буду жив, и так как у меня двое детей, из которых старшему сыну 4 года, то не хотелось бы умереть, не устроивши дел настолько, насколько они могут быть устроены. По расчету моему, у меня должно остаться с небольшим 40 тыс. — вот и все. Да «Отеч. Зап.», если будут живы, обязаны давать до 1884 года по 1800 р. в год. Будьте так добры, когда мое дело отошлется в Петербург, дать знать об этом Алексею Михайловичу Унковскому (Шпалерная, д. № 6): он похлопочет в Главном Выкупном Учреждении. Впрочем, я думаю, что Смагин, по лениности своей, еще не скоро к Вам его пришлет.

Политические интересы везде очень низменны, не в одном Неаполе. Везде реакционное поветрие ³. Во Франции Гамбетта играет громадную роль — этого одного достаточно для оценки положения. У Гамбетты одна только мысль: чтоб Франция называлась республикой, а что из этого выйдет — едва ли он сам хорошо понимает. Он буржуа по всем своим принципам и теперь только о том и думает, как бы посрамить Мар-Магону [!]. Противно читать здешние газеты (я получаю «Republ. française» и «Rapport»), все они наполнены криком: тише! не вдруг! Даже Луи Блан ⁴ заразился этим. Республика без идеалов, без страстной идеи — на кой чорт, спрашивается, она нужна. Мы и в России умеем кричать: тише! не вдруг!

Здоровье мое все еще плохо. Две недели без спины был, теперь по-лучше, а в руках все еще ревматизм — насилу пишу. Сверх того кашель

неусыпающий и порок сердца. Лечусь кислородом, пью Виши и зельтерскую воду с молоком. В половине Апреля н. ст. поеду в Париж, и с половины Мая буду собираться в Россию. Пусть будет, что будет, но больше за границей не хочу жить. По болезни моей, я даже видеть ничего не могу — что же интересного!

Прощайте, будьте здоровы. Еще раз благодарю Вас за участие и крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков

Летом непременно приеду в Ярославль и вручу Вам свои книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Салтыков благодарит за присланный ему по его просьбе (см. предыдущее письмо) 1-й том «Обычного права» Е. И. Якушкина, вышедший в свет в конце 1875 г.

² Щепкин, Михаил Семенович (1788—1863) — знаменитый московский актер, основатель реалистической школы в русском театре.

³ Салтыков впервые попал за границу, во Францию, в 1875 г., в эпоху «реакционного поветрия», последовавшего вслед за разгромом Парижской коммуны. События 1871 г. произвели на буржуазию и буржуазную демократию огромное впечатление. От недавнего радикализма республиканцев, хотевших «полного обновления крови, костей и мозга нации», не осталось и следа. Политика республиканской партии после Коммуны преследовала цель консолидации сил буржуазии, примирения ее с демократией и была насквозь соглашательской. Наиболее ярким выразителем этой политики был Леон-Мишель Гамбетта (1838—1882), ставший после избирательной кампании в феврале 1876 г. лидером республиканского союза («скопец Гамбетта одержал блистательную победу», сообщал об этом Салтыков Анненкову в письме от 27 февраля 1876 г.). «Я не признаю, — заявил однажды в палате Гамбетта, — другой политики, кроме политики умеренности, политики результатов и, так как уже произнесено это слово, я скажу — политики «оппортунизма» (термин, созданный для характеристики программы Гамбетты Г. Рошфором). Эту политику Гамбетта проводил в основанной им в 1871 г. газете «*Republique française*», которую упоминает Салтыков, вместе с газетой Г. Рошфора и В. Гюго «*Kappel*», говоря, что их «противно читать».

⁴ Луи Блан (1811—1882), который «тоже заразился этим», — французский политический деятель, публицист и историк, «социалист без классовой борьбы», стоявший однако накануне 1848 года на крайне левом фланге революционной борьбы, что дало возможность Марксу и Энгельсу видеть в нем тогда своего возможного союзника. Однако непосредственно в революции 1848 г. Луи Блан проявил себя как соглашатель. Его «теоретическое якобинство» на практике вылилось в оппортунизм, в отказ от революционной борьбы. Дальнейшая эволюция Блана шла по линии постепенного снижения его «революционности» и «социализма». С 1876 г., к которому относится письмо Салтыкова, Блан был членом Палаты, примыкая к радикалам. «Он отстаивал свободу печати, боролся с Мак-Магоном (второй президент Франции), требовал уничтожения президентства и Сената. Деятельность Блана в этот период лишена социалистических мотивов, и когда он умер, буржуазная третья республика приняла его похороны на государственный счет» (БСЭ, т. VI).

Признание Салтыковым оппортунизма Луи Блана (в 40-е годы оказавшего несомненное влияние на выработку взглядов сатирика) лишь в 1876 г. нельзя не отметить как запоздалое. Но очутившись непосредственно, физически, в республике, составляющей собрание менял, Салтыков с опромной силой и страстностью сумел выразить свое презрение к ней и к ее вождям. Позднее он посвятил «третьей республике» ряд замечательных страниц в IV главе «За рубежом», по поводу которой Ленин в 1906 г. писал, что в них «Щедрин классически высмеял... Францию, расстрелявшую коммунаров, Францию пресмыкающихся перед русскими тиранами банкиров, как республику без республиканцев» (Соч., 3-е изд., т. X, стр. 238).

Я не имею сообщить Вам ничего хорошего, многоуважаемый Алексей Михайлович. При настоящем положении славянского вопроса, при отношении к нему русского общества и, главное, при настроении цензуры относительно «Отч. Записок» невозможно решиться печатать присланные

Вами стихотворения. Т. е. первые два можно (если Вы признаете, что можно печатать их без третьего), а последнее «К самому себе» — совсем нельзя. Ваш взгляд на дело, по моему мнению, совершенно правилен, но накануне вмешательства и в виду той роли, которую приписывает себе в этом деле русское правительство, мы рискуем закрытием журнала, еслиб что-нибудь подобное было напечатано. Надеюсь, что Вы поймете это и извините¹.

Вообще, живется здесь плохо, особенно после полугода заграничного житья. Только нужда в еде и сладкая привычка жить могут заставить переносить все, что переносится. Вот со мной какой был на днях случай. Пришел я к председателю совета книгопечатания, Григорьеву (помните: «Биограф-ориенталист»? ², хлопотать об одной своей статье, так он меня не только не пригласил сесть, но даже сам не встал, когда я с ним говорил. Да, вдобавок, еще спросил, в каком я журнале пишу? А меня просто посылали даже к нему, говорили, ступайте, это человек учтивый, предупредительный и т. д. Что такое с ним вдруг сделалось — и понять до сих пор не могу. Во всяком случае, я думал, что я пьян, или во сне все это вижу. Так вот и судите после этого, каково жить на свете и иметь сношения по журналу. И что всего замечательнее: Григорьев, по свидетельству всех, действительно принимает с соблюдением внешних приличий, а меня одного — не удостоил!!³

Я целых полтора года шлялся за границей, в том числе полгода провел в Баден-Бадене, где был так болен, что даже чувствовал себя на лоне Авраамовом. Имел надежду, что Вас увижу, но сам не мог уезжать никуда, а у Вас в это время семейное горе случилось⁴. Теперь — очередь за Некрасовым, который, две недели тому назад, уехал в Крым в Ялту, где пробудет до Октября. Вот как сказало для нас второе пятидесятилетие. Некрасова узнать нельзя — до того он похудел и изнемог. Ни сидеть, ни стоять, ни лежать не может, каждые пять минут необходимо переменять положение. В Ялту он не ради климата поехал, а ради того, что там Боткин, который пожелал лично за ним следить.

Что касается до меня, то я продолжаю быть больным. Ревматизмы утихли, но одышка и сердцебиение попрежнему мучительны. Главная особенность моей болезни — это тоска, общее бессилие и совершенная ненависть к деятельности. Просто не могу нигде места найти и не придумаю, что из этого выйдет.

До свидания; будьте здоровы и не предавайтесь унынию. Во всяком случае, не сетуйте на меня за невыполнение Вашей просьбы. Мой адрес: Литейная, 62.

Весь Ваш

М. Салтыков

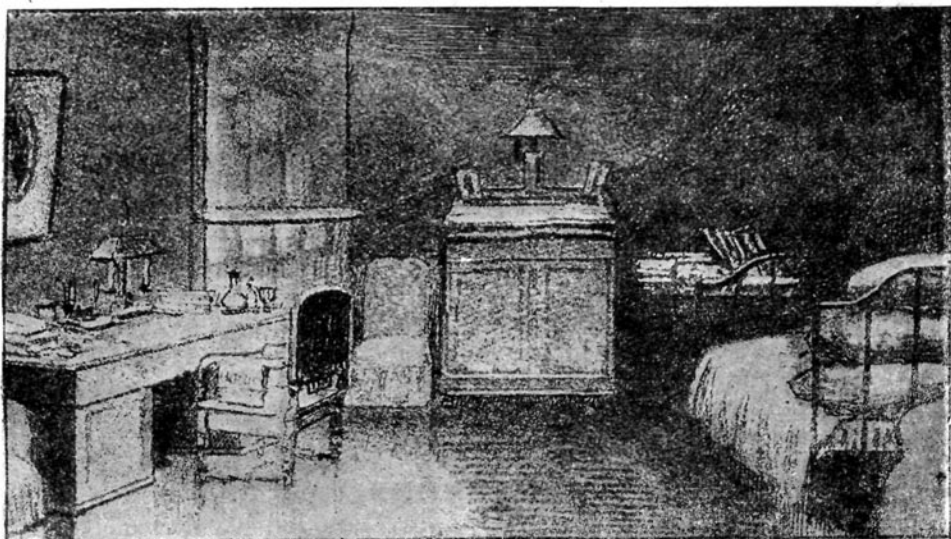
ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стихотворение А. М. Жемчужникова «Совет самому себе» было посвящено обличению лжи национального самонимия и патриотизма и сатирическому осмеянию несоответствия между «освободительными» лозунгами правительства в болгарском вопросе, под покровом которых царская дипломатия готовила войну, долженствовавшую укрепить влияние русского феодального империализма на Балканах и в Турции, и тем убогим положением, в котором находились все внутренние «домашние» вопросы в стране, претендовавшей на роль «славянского мессии». «Накануне вмешательства», т. е. в момент непосредственно подготовки русско-турецкой войны (объявлена 12 апреля 1878 г.), печатать стихотворение Жемчужникова Салтыков не решился. О каких двух других стихотворениях идет речь — в точности установить трудно. Вероятно это было два лирических стихотворения «За днями ненастными, с темными тучами» и «Чувств и дум несметный рой», напечатанных в пятой книге «Отеч. Зап.» за 1877 г.

² Григорьев, Василий Васильевич (1816—1881)—видный ориенталист, профессор Петербургского университета, с 1874 по 1880 г. председатель Совета по книгопечатанию.

В 1856 г. Григорьев выступил в «Русской Беседе» (кн. 3—4) с обширной статьей «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве», где пытался дискредитировать Грановского как ученого. Статья вызвала возмущение среди друзей недавно умершего Грановского и ряд резких отзывов в печати. В «Русском Вестнике» (1856 г., т. 8, март, кн. 2) Григорьеву отвечал Н. Ф. Павлов. Свой остроумный, едкий памфлет он озаглавил: «Биограф-ориенталист». Через 19 лет после появления статьи Салтыков, «столкнувшись» с Григорьевым, вспомнил эту кличку.

³ Инцидент этот наделал в свое время много шума. В университетском совете Григорьеву «чуть не сделали скандала» и потребовали от него объяснений. Григорьев вынужден был обратиться к Салтыкову с просьбой приехать к нему и удостовериться, что они не встречались. «Хотя все это и не особенно лестно,— писал Салтыков Некрасову,— тем не менее я решился ехать, и в случае нужды даже подтвердить, что я его в первый раз вижу». См. об этом инциденте письма Салтыкова к Некрасову от 3, 11 и 21 сентября 1876 г. («Письма», № 116, 118 и 119).

РАБОЧИЙ КАБИНЕТ М. Е. САЛТЫКОВА

Рисунок М. Малышева к хронике о похоронах Салтыкова
«Всемирная Иллюстрация» 1889 г., № 20, от 13 мая

⁴ Первая и самая длительная поездка Салтыкова за границу продолжалась с 12 апреля 1875 г. по 31 мая 1876 г.

⁵ В 1875 г. умерла жена А. М. Жемчужникова — Елизавета Алексеевна.

⁶ Сохранившееся ответное письмо Жемчужникова от 28 сентября 1876 г. публикуется в настоящей книге, см. стр. 493—494.

Извините меня, многоуважаемый Алексей Михайлович, что долго не отвечал на Ваше письмо. Дело в том, что каждая книжка журнала причиняет столько хлопот и моральных мучений, что просто не знаешь, что делать. Вот и 3-ю книжку насилу выдали — так разгулялась цензура.

Да, умер Некрасов, умер в величайших физических страданиях. Талант его был в самый поре, и громадная толпа, провожавшая его на кладбище, засвидетельствовала, что он жил и писал не даром. Произвел ли бы он что-нибудь лучшее, т. е. прибавил ли бы что-нибудь к своей славе — этого я не берусь разрешать. Последние вещи его были скорее слабы, и у нас есть поэма его «Пир на весь мир» два раза, при жизни его, вырезанная цензурой из журнала, которая, по моему мнению, очень груба ². Но ведь и тре-

бовать многого нельзя от человека которого ежемгновенно неслыханная болезнь в сто ножей резала. В последние дни он как-то опустился, и все откровенничал с Сувориным: боялся, вероятно, чтоб сей откровенный наездник какнибудь не н..... на его могилу. Но ничего своими интимностями не достиг: Суворин все-таки н....., хотя думал, что воздвигает покойнику монумент³. Теперь «Отеч. Записки» остаются за остальной компанией, и в настоящее время идет дело об утверждении меня официальным редактором. Утвердят ли — не знаю, но вот уж с месяц об этом хлопочем⁴.

Все стихотворения Ваши помещены в Мартовской книжке⁵ и расчет за них, а равно и за прошлогодние сделан и Арцимовичу переданы деньги: я сам видал росписку. Благодарю, что не забываете «Отеч. Записок», хотя не могу не посетовать на Вас за постоянно-унылый тон Ваших стихов.

Вы спрашиваете, почему меня нет в Февральской книжке? — очень просто: статью мою цензура из книги вырезала. А из статьи, помещенной в Январской книжке, выдрала 9 страниц, т. е. всю внутренность. Вот и извольте писать при таких каторжных условиях. Вы живете за границей и, может быть, думаете, что у нас здесь свободы всякие. Одно у нас преуспевание: час от часу хуже. Правду сказала Хвошинская: бывали времена хуже, подлее — не бывало. Да, не бывало — клянусь так! Что то похожее на бешенство наступило.

Завидую Вам, но в то же время и удивляюсь; как Вы можете с таким курсом мириться.

Досвидания, многоуважаемый Алексей Михайлович; ежели что-нибудь есть, то шлите.

Искренне Вас уважающий
М. Салтыков

28 Марта
Литейная, 62

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Некрасов умер 27 декабря 1877 г. Отсюда дата письма.

² «Пир на весь мир» — последняя глава из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — при жизни Некрасова вырезалась цензурой дважды: из ноябрьской и декабрьской книжек «Отеч. Зап.» за 1876 г. После первого запрещения Салтыков отозвался о ней так: «...поэма замечательная: в большинстве довольно прубая, но с проблесками несомненной силы» («Письма», 1925 г., стр. 154). При жизни и после смерти Некрасова Салтыков неоднократно пытался напечатать поэму; однако ему удалось это сделать лишь в 1881 г., когда поэма была напечатана в февральской книжке «Отеч. Зап.», но в изуродованном и сокращенном виде. Подробнее об этом см. у В. Евгеньева-Максимова «В руках у палачей слова» («Голос минувшего» 1918 г., книга 4—6) и его же «В цензурных тисках» («Книга и революция» 1921 г., кн. 2).

³ См. написанное за несколько дней до смерти письмо Некрасова к Суворину, опубликованное в сборнике Пушкинского дома «Некрасов» (П., 1922, стр. 128), а также воспоминания Суворина о Некрасове в «Новом Времени» 1877 г., № 380 и 1878 г., №№ 662 и 745.

⁴ «Остальная компания», т. е. сам Салтыков, Г. З. Елисеев и Н. К. Михайловский. Хлопоты Салтыкова об утверждении его официальным редактором «Отеч. Зап.» начались 10 марта, когда он подал об этом прошение в Главное управление по делам печати. Запрошенное по этому поводу III Отделение специальным отношением от 13 марта известило, что препятствий к назначению Салтыкова с его стороны не имеется. 27 марта и. д. начальника Главного управления В. В. Григорьев послал специальное представление министру внутренних дел; высказавшись в пользу назначения Салтыкова. Утверждение Салтыкова министром последовало в тот же день. Но еще 28 марта, т. е. на другой день, Салтыков об этом не знал, как это явствует из публикуемого письма.

⁵ В мартовской книжке «Отеч. Зап.» за 1878 г. помещены стихотворения А. М. Жемчужникова: 1. «Знакомая картина». 2. «Полевые цветики». 3. «Что за прелесть сегодня погода». 4. «Л. М. Ж-ву», 5. «На горе».

⁶ Из январской книжки «Отеч. Зап.» за 1878 г. цензура исключила девять страниц из рассказа «Дворянская хандра». Лист журнала, на который приходится рассказ (19-й), имеет только шесть страниц вместо нормальных 16, хотя пагинация идет без перерыва (стр. 285—308). Из февральской книжки журнала за тот же год цензура вырезала IV

главу (в отдельном издании ей соответствует VI глава) «Современной идиллии» «как заключающую в себе,— по отзыву цензора Лебедева,— возмутительную насмешку над образом нашей государственной власти и историческим ее ходом до настоящего времени». Отметим здесь ошибку В. Евгеньева-Максимова, раскрывающего (см. его книгу «В тисках реакции», Л., 1926, стр. 56 и «Очерки по истории социалистической журналистики». Л., 1927, стр. 186) комментируемые строки письма как относящиеся к очерку «Дети Москвы» (вместо «Дворянской хандры»), из которого якобы цензура «вырезала 9 страниц» (в действительности очерк подвергся лишь небольшим изменениям, сделанным самим Салтыковым), и к рассказу «Чужую беду руками разведу» (вместо «Современной идиллии»), который якобы был вырезан из книжки (в действительности был «по обстоятельствам» отложен печатанием самим Салтыковым). К сожалению эта ошибка проникла (и не могла быть уже исправлена) и в данную книгу (см. выше публикацию «Цензурные материалы о Щедрине»).

⁷ Салтыков ошибочно приписывает Хвоцинской-Зайончковской известное двустушище Некрасова:

«Бывали хуже времена
Но не было подлей».

(«Современник», часть 1-я: Юбиляры и триумфаторы», 1875 г.)

18

[И. В. ПАВЛОВУ]¹

Петербург. 27 Ноября [1878]

Сидим мы с Унковским² и удивляемся: как это ты так не расторопен, братец! Третий вот уже с месяц как назначен³, а ты и до сих пор с поздравлением не бывал! В прошлый сезон мы с ним с Сибирку игравали⁴, а нынче думаем: вот кабы Павлов приехал, он бы к нему съездил, а от него к нам,— все бы хоть частицу аромата с собой принес. Он говорит, что это второй пример. Ломоносов и он. Он еще хуже, ибо незаконнорожденный. Прямое, говорит, доказательство, что Россия государство демократическое. Ржевский протоиерей прислал телеграмму: блаженно чрево родившее (носившее, кажется?) ты и сосцы иже еси сосал. И он не сам ответил, а Бриллианту⁵ велел: читал с удовольствием и благодарю Ржевское духовенство. Многие из смеявшихся над ним покаяться, и многим благочестивым людям являлся Татаринов⁶ и говорил: ныне только разрешились узы, сковывавшие душу мою! (Татаринов сказывал, что до сих пор находился в чистилище, а теперь будет сидеть в раю на лоне госуд. контр. Ап[релева].) Он же когда ему о сем было поведено, только сказал: откуда мне сие Великий Михаил обиделся⁷: как это на место его, сына секретаря московского магистрата, сделали незаконнорожденного сына ржевского аптекаря! Говорят о нем до сих пор не может опомниться: сидит и плачет, а митрополит Филофей⁸ клетчатый платком утирает ему слезы. Это, говорит он, слезы благодарности, батюшка! сладкие слезы! пущай текут! И в благодарности, отвечает Филофей, не надлежит чрезмерного дерзновения выказывать, но смиряться и реши: твори господи волю свою! На первый раз ему поручено устроить хор певчих при домашней церкви в дому Г[осударственного] Конт[ролера], и я слышал будто он выписывает тебя, чтобы ты показал, как нужно читать Апостола. Но это еще не верно, потому что интригует Бриллиант, которому хочется самому отхватить Апостола. Чиновники не только не удивляются, но говорят, что так и следовало ожидать. Что он и умнее и красивее Махаила, и что даже[...] у него больше.

А еще уведомяю: болен я до смерти. Кашляю день и ночь без перерыва, а главное задыхаюсь. Целый день лекарства принимаю.

Весь твой

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Адресат и дата письма устанавливаются его содержанием. Павлов, Иван Васильевич, псевд. «Л. Оптухин» (1823—1904) — публицист, примыкавший к славянофильскому лагерю врач, крупный чиновник государственного контроля, школьный товарищ Салтыкова по московскому Дворянскому пансиону и Александровскому лицей. Выйдя с последнего курса лицей по болезни, Павлов поступил сначала на математический, а затем на медицинский факультет Московского университета, который и окончил в 1850 г. В этот период был близок к кружку Грановского, встречался с Герценом. С 1851 г. — чиновник по медицинской части при Оренбургском и Самарском генерал-губернаторе гр. Перовском, а с 1857 г. — при Палате государственных имуществ Орловской губернии. После недолгой отставки — с 1865 г. — управляющий Витебской и с 1890 г. Орловской контрольными палатами до 1895 г., когда вышел в полную отставку.

В конце 50-х, начале 60-х годов Павлов был хорошо известен в литературных кругах Москвы. Он создал (в 1860 г.) и фактически редактировал еженедельный журнал «Московский Вестник», к участию в котором привлек И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова, А. М. Плещеева, А. С. Суворина и др. (попытки привлечь А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова успехом не увенчались). Сам Павлов поместил в журнале много статей как анонимных, так и под своим псевдонимом «А[лекса]р[х] Оптухин» (Оптуха — название его орловского имения). Позднее сотрудничал в аксаковском «Дне», юрьевской «Беседе», и «Русской Мысли».

Павлов — фигура в полной мере забытая и неизученная; сведений о нем нет ни в одном справочнике (в скобках отметим, что в щедринской литературе И. В. Павлов почти неизменно смешивается с историком П. В. Павловым, см. например, в книге Иванова-Разумника «Салтыков-Щедрин», М., 1930 г. по указателю). Его статьи и письма (последние не изданы), а также переписка современников рисуют Павлова человеком незаурядных дарований, своеобразных взглядов и многосторонней образованности. Примыкая к славянофилам, Павлов вместе с тем сочувствовал «европейскому прогрессу». И эта двойственность его позиции сказалась и на редактируемом им «Московском Вестнике», восстановив против него ряд славянофилов-«ортодоксов». В своих публицистических статьях он отражал интересы и настроения обуржуазившейся части дворянства. Его практическая программа не шла далее умеренно-либеральных требований.

В конце 50-х годов Павлов несомненно оказал довольно сильное воздействие на взгляды и даже на круг тем Салтыкова. Именно Павлов способствовал кратковременному сближению Салтыкова с славянофильством. Из переписки Павлова с Салтыковым 1857 г., привлеченной в свое время вниманием III Отделения (извлечения из нее опубликованы в «Русской Старине» 1897 г., № 11, стр. 235), видно, что последнего привлекала в славянофильстве идея национальной самобытности, страстным пропагандистом которой являлся в этот период Павлов. Позднее, когда Салтыков пошел влево, в лагерь демократии, он в «Современнике» жестоко полемизировал со своим недавним единомышленником, в частности со статьей последнего «Юридические недоразумения по крестьянскому делу» («День» 1863 г., № 11), в которой автор занял резко отрицательную, шовинистическую позицию по отношению к польскому восстанию 1863 г. (см. выпады против Л. Оптухина «малоархангельского обывателя» в хронике «Наша общественная жизнь» в сентябрьской книжке «Современника» за 1863 г.). В 1871 г. по поводу просьбы С. А. Юрьева к А. М. Унковскому написать статью для славянофильской «Беседы» на тему «Цивилизация и самобытность» Салтыков иронически писал Юрьеву: «Я с своей стороны полагаю, что статью, какую ты желаешь, мог бы удовлетворительно написать И. В. Павлов... [который] на эти дела мастер; он докажет, что пользоваться общечеловеческою цивилизацией — значит носить чужие подштанники и сморкаться в чужой платок. Докажет, разумеется, не логическим путем, а посредством «живых образов». Он мне сам недавно все это в частном письме изображал и обещался, что так именно и изобразит в твоём журнале» (сб. «Памяти Юрьева», М., 1890 г., стр. 282).

Идейное расхождение не оборвало личного общения и переписки Павлова с Салтыковым, но оно превратило письма последнего (если судить по единственно дошедшему до нас здесь публикуемому письму этой переписки после 50-х годов) в тот своеобразный жанр миниатюрно-эпистолярных сатир на общих знакомых, который культивировался Салтыковым в 70-х годах и переписке с лицами, идейно и политически чуждыми ему. (Укажем например на письма к Боровиковскому, Еракову, Унковскому, отчасти Тургеневу). В письме к И. В. Павлову материалом для сатиры Щедрин является сам Павлов и его служебное начальство — крупные чиновники государственного контроля и в первую очередь известный Третий Филиппов. Публикуемое письмо является в настоящее время единственным сохранившимся в автографе документом из этой повидимому обширной переписки.

² Унковский, Алексей Михайлович (1828—1893) — лицейский товарищ Салтыкова, присяжный поверенный, известный деятель 60-х годов, которого в его отношении к крестьянской реформе Ленина ставил в один ряд с Чернышевским и Герценом («Гонители земства и аннибалы либерализма»), вместе с Салтыковым был сотрудником «Современ-

Петербург. 27 ноября

Судачки твои со условленати и у доброту: иже зр
ни маю изумудреню, драгого! Ты же божь убо
и вѣдѣи твои изумленю, а маю до сего нѣ со зрѣ
бѣдѣи твои давати! Не умнѣи твои со
звѣи и вѣдѣи и умнѣи, а маю изумленю.
боже маю вѣдѣи изумленю, иже да маю изумленю
даю, а маю маю не маю, - вѣдѣи маю изумленю
маю со сѣи изумленю. Ома изумленю, зр зр вѣдѣи
изумленю: вѣдѣи и ома. Ома маю изумленю, иже
изумленю изумленю. Изумленю, вѣдѣи, вѣдѣи.
маю, зр вѣдѣи изумленю изумленю.
Изумленю изумленю изумленю ^(маю, изумленю)
изумленю зрѣи, изумленю ^{и маю} зрѣи
и маю! Маю изумленю изумленю, а вѣдѣи
и вѣдѣи: изумленю со зрѣи и вѣдѣи
Изумленю изумленю. Изумленю изумленю
иже маю, изумленю, и изумленю изумленю
маю изумленю вѣдѣи и вѣдѣи.

суде. Братство, которое вознес сапожника
наш створки. Заповедь не мило не удивляю,
но соображу, что так и что было удивлюсь. Что оно
и удивлюсь и красноте сказать, и что еще х. урису востан.

Видею что востану: востану и востану. Нам
красно востану и нам востану, а востану-ради
ради. Что востану востану и востану.

Милый мой,
А. П. Павлов

Еще бы востану и востану. Что востану
то востану. Востану, востану, и я востану
востану и востану. Востану и востану-ради
ради. Востану и востану. Востану и востану.

ничество в «Отеч. Зап.» и свои взаимоотношения с Салтыковым (см. его статьи «Из воспоминаний» в «Историч. Вестнике» 1906 г., № 10, стр. 180, 182, 183 и № 11, стр. 507—508). Интенсивно заниматься литературой Салов стал лишь со второй половины 70-х годов. Его произведения — реалистические очерки, посвященные преимущественно изображению распада и умирания дворянских гнезд, не лишенные элегической сентиментальности, — печатались в 1877—1883 гг. в «Отечественных Записках», позднее в «Русской Мысли». Салтыков, допуская Салова к сотрудничеству в журнале, вместе с тем повидимому весьма критически относился к его творчеству, тщательно «правил» его рукописи, отвергая некоторые совсем.

² О какой рукописи идет речь, выяснить теперь трудно.

20

Г. И. УСПЕНСКОМУ

28 Января [1880 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Я получил от С. Н. Кривенко ¹ Ваш рассказ «Малые ребята» ² и немедленно же прочитал его. К сожалению, в Февральской книжке уже нет для него места, так как 1-й отдел весь уже в наборе, но в Мартовской рассказ будет помещен. Но позвольте узнать, будет ли продолжение рассказа или же он на этом и кончится. Если будет продолжение, то желательно было ³ не делить его, а напечатать целиком.

28 Января.

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кривенко, Сергей Николаевич (1847—1906) — публицист народнического лагеря, ближайший сотрудник, «Отечественных Записок», с конца 70-х годов один из наиболее близких друзей Г. И. Успенского.

² «Малые ребята» напечатаны во второй и пятой книжках «Отеч. Зап.» за 1880 г. в первом отделе. Таким образом Салтыков в последний момент произвел изменения в уже законченном составлении февральском номере журнала и нашел в нем место для очерка Успенского.

21

Г. И. УСПЕНСКОМУ

11 Ноября [1880 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Посылаю Вам корректуры Вашей статьи, которую только что сейчас прочитал. Убедительнейше прошу допустить те выпуски, которые я сделал. Статья Ваша произвела на меня тяжелое впечатление, и я серьезно начинаю думать, что Вы увлекаетесь идеалами Достоевского и Аксакова. К сожалению, статьи Ваши доходят до меня уже в корректурах и тогда, когда надобно уж выпускать книжку. Я до крайности уважаю Вашу литературную деятельность, и мне крайне прискормно, что могут существовать недоуменья. Главное: Вы сетуете на то, что, по Вашим же словам, неизбежно. Следовательно, эти сетования, по малой мере, бесплодные. Может быть, Вы и сами удивитесь, что статья Ваша так понята мною, но, право, и н а ч е и н е л ь з я понять. Мне кажется, что еслиб Вы повидались со мной, то я мог бы полнее выяснить Вам мою мысль. Не обратите ли Вы также внимание на заметку мою карандашом в 3-й форме. Повидимому, тут есть неясность. Во всяком случае, убедительнейше прошу допустить те выпуски, которые мною намечены (во 2-й форме). С ними смягчится тон статьи. Еще просьба: не задерживайте статьи и возвратите с сим же посланным. Ее необходимо печатать, так как на нее рассчитывалось при составлении содержания книжки, а теперь 11-е ноября. Повторяю: в том виде, т. е. с сделанными выпусками, статья получит этнографический смысл и перестанет быть тенденциозною.

Искренне Вам преданный
М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

По мнению дочери Успенского Марии Глебовны это письмо относится к серии «На родной ниве», печатавшейся в 1880 г. во второй половине года. Под этим заглавием в №№ 10—12 даны очерки, вошедшие в собрание сочинений Успенского под названием «Крестьянин и крестьянский труд». В 11-й книжке даны главы «Не суйся», «Смягчающие вину обстоятельства», и «К чему пришел Иван Ермолаевич», в которых Салтыков и мог потребовать изменений и сокращений.

Напомним, что в этих очерках Успенский в весьма категорической форме высказал взгляд о несовместимости «удушанной области интересов русского образованного мужицкого человечества» с «наисовершеннейшими интересами» самого «мужицкого человечества», т. е. крестьянства. Сочувственно изображая «цельные и гармоничные формы» труда и жизни хозяйственного мужика Ивана Ермолаевича («герой» очерка), Успенский пишет о себе и всей народнической интеллигенции: «... Все мои книжки, в которых об одном и том же вопросе высказываются сотни разных взглядов, все эти лохмотья, всякие гуманизма, воспитанные досужей беллетристкой, все это, как пыль, поднимаемая сильными порывами ветра, было взбудоражено естественною «правдою», дышащею от Ивана, Ермолаича». Во имя этой «правды» — признается Успенский — ему представлялось что «самый лучший жизненный результат, которого я могу желать, — это именно быть «потребленным» народною средою без остатка, даже без воспоминания...». «Во имя этой необходимости быть съеденным без остатка, — продолжает Успенский, — я питал глубокое почтение к тем людям, которые, стараясь всячески смирить в себе некоторые эгоистические замашки и привычки — наследие крепостного права, не страшатся делать усилия для того, чтобы вбить себя в народные интересы, точно так, как вбивают толстый пых в узкое дуло ружья...». Конечно против всех этих наиболее слабых реакционно-народнических установок мирозерцания Успенского, нашедших себе яркое выражение в названных очерках, Салтыков протестовал и должен был протестовать самым решительным образом. Призыв Успенского «смирить в себе эгоистические замашки» во имя «полного растворения в народных интересах» не случайно сближается Салтыковым с «идеалами Достоевского и Аксакова». Незадолго перед тем в письме к Н. К. Михайловскому от 28 июня 1880 г. Салтыков писал: «В июньской книжке прочитаете Успенского о пушкинском празднике. Вся вторая половина необыкновенно легкомысленна и противоречива. Успенский не додумался до того, что и Достоевский и Тургенев надувают публику и эскамутируют пушкинский праздник в свою пользу» («Письма», № 147). Сочувственное отношение Успенского к знаменитой речи Достоевского было воспринято Салтыковым как враждебный акт. Он счел нужным просить Михайловского выступить в журнале со специальной статьей по этому поводу и категорически отказался от предложенного Успенским продолжения своей статьи (см. об этом в письме Успенского М. И. Петрункевичу от 14 июля 1880 г. в ж. «Голос Минувшего» 1915 г., кн. I, стр. 213—214).

Публикуемое письмо Салтыкова является, таким образом, ценным материалом для суждений о конкретных проявлениях идейно-политических разногласий между Салтыковым и Успенским в период активного сотрудничества последнего в «Отечественных Записках» (подробнее об этом см. в ст. Я. Эльсберга «Щедрин и публицисты «Отечественных Записок», напечатанной в первом полутоме настоящего сборника).

22

А. О. НОВОДВОРСКОМУ (ОСИПОВИЧУ)

[Ноябрь 1880 г.]

Многоуважаемый Андрей Осипович.

«Тетушка» будет напечатана в Декабрьской книжке. Это очень хороший рассказ, только по цензурным соображениям надо будет кой-что стусевать. Что касается до «Романа», то и он будет напечатан в будущем году, но, по моему мнению, необходимо сделать в нем сокращения.

Не нуждается ли Вы в деньгах? Напишите, или зайдите сами, если нуждается.

Ваш

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Новодворский, Андрей Осипович, псевд. «Осипович» (1853—1882) — известный беллетрист-народник. Его рассказ «Тетушка» напечатан в 12-й книге «Отечественных Записок» 1880 г., «Роман» — в 1881 г., книга 4. Таким образом записка Салтыкова датируется 1880 г. — вероятно ноябрем.

Салтыков очень ценил талант Новодворского и по утверждению С. А. Венгерова ставил его выше Гаршина.

23

Г. И. УСПЕНСКОМУ

19 Декабря [1880 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Не будете ли Вы добры зайти ко мне, чтобы переговорить о предлагаемых Вами трудах на 1881 год¹. Надеюсь, что Вы уже возвратились из Твери. Застать меня всего удобнее от 11 до 1 часа утром, хотя я вообще сижу дома больной. Но может встретиться крайний случай.

Весь Ваш

М. Салтыков

19 Декабря.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См. об этом в примечаниях к следующим письмам Салтыкова к Успенскому.

24

Г. И. УСПЕНСКОМУ.

[Декабрь 1880 г.—Январь 1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Посылаю Вам записку в контору на 100 р. и, разумеется, желания Ваши относительно вычета будут выполнены.

В «Отеч. Зап.» Вы всегда найдете для себя столько места, сколько пожелаете, но очень жаль, что Вы покончили с очерками «На родной ниве». Я думаю, что те работы, которые Вы предположили вновь, лучше печатать в 1-м отделе. А впрочем об этом еще успеется поговорить и если нездоровье Ваше дозволит, то Вы весьма бы меня обязали заехав ко мне. Во всяком случае повторяю: сколько бы для Вас ни потребовалось места — будет².

Ваш

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дата этого письма устанавливается на основании содержащегося в нем упоминания Салтыкова об окончании Успенским очерков «На родной ниве». Последний очерк этой серии был напечатан в декабрьской книжке «Отеч. Зап.» за 1880 г.

² В письме от 14 июля 1880 г. Успенский писал М. И. Петрункевичу: «Салтыков объявил мне, что они вместе с Елисеевым, в видах мало мальских правильного моего обеспечения в материальном отношении, отводят мне надел во 2-м отделе. Каждый месяц я имею право помещать в этом отделе полтора печатных листа, о чем мне будет угодно» («Голос Минувшего» 1915 г., кн. 1-я, стр. 213—214). Этот «надел» в «Отеч. Зап.» Успенский занял в 1880 г. очерками «На родной ниве», а в 1881 г. статьями под заглавием «Без определенных занятий» (№№ 1, 3, 4, 6, 8), «Пришло на память» (№ 2) и «Бог грехам терпит» (№№ 9, 11). Все статьи 1881 г. печатались однако по предложению Салтыкова в первом, беллетристическом, отделе журнала, что было выгодно для Успенского в материальном отношении. Первый отдел печатался менее убогим шрифтом, чем второй, а гонорар в «Отеч. Зап.» исчислялся с печатного листа.

25

Г. И. УСПЕНСКОМУ

12 Января [1881 г.]¹

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Вы говорили мне, что для Февральской книжки предполагаете статью

листа в два и часть ее уже у Вас готова. Вы бы крайне обязали, еслиб статью эту доставили, по возможности скорее, т. е. около 25-го числа.

Искренне Вам преданный
М. Салтыков

12 января.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Дата письма определяется на основании сопоставления его с другими письмами, а также указания Салтыкова на обещание Успенского дать для февральской книжки «статью листа в два». Во втором номере «Отеч. Зап.» за 1881 г. помещено четыре рассказа Успенского: 1. «Минутная встреча». 2. «Сено». 3. «Работник». 4. «Варвар» под общим заглавием «Пришло на память». (Из деревенских воспоминаний). Рассказы занимают ровно два печатных листа' (л.л. 34—35, стр. 511—542).

26

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

[Февраль 1881 г.]¹

Многоуважаемый Алексей Михайлович

Первое письмо Ваше я получил 2-го Февраля, когда 1-й отдел Февральской книжки уже был заключен, и при том с поэмой Некрасова, так что стихов было довольно. Затем, прочитав Вашу поэму (четыре главы)², я нашел, что мотив ее несколько беден для большой вещи, и что вообще поэма эта, в смысле сатирическом, не отражает современности Русской. Поэтому, прошу Вас великодушно простить мне, что я считаю неудобным напечатать Ваше новое произведение в «Отечественных Записках».

Прошу Вас верить, что я поступаю таким образом с величайшею болью, но как редактор журнала, имеющего определенную физиономию, я не могу поступить иначе. Мне кажется, что я уже выражал Вам мое мнение, что продолжительное отсутствие из России не может не отзываться на Вашем творчестве; этого же мнения держусь я и теперь.

Что касается до моего здоровья, о котором Вы любезно осведомляетесь, то оно вконец расшатано и непоправимо. Главное же, я совсем измучен и жду окончания контрактного срока с Краевским, яко минуты избавления от непосильных трудов и волнений.

Благovolите дать знать о том, как поступить с поэмой.

Еще раз прося Вашего извинения, остаюсь искренне Вам преданный и уважающий.

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо с уверенностью датируется нами 1881 г. вместо указанного в «Русской Мысли» 1869 г. Основания для датировки таковы. Характер обращения Салтыкова к Жемчужникову в «официальной», деловой части письма дает основания предполагать, что письмо написано после смерти Некрасова, т. е. после 1877 г. В самом деле, вряд ли Салтыков мог при жизни Некрасова в самом начале своей работы в «Отеч. Зап.» безоговорочно именовать себя редактором журнала и, не ссылаясь на мнения старшего и официального редактора, каким был Некрасов, решать вопрос о поэме Жемчужникова. Такое предположение тем менее вероятно в применении к данному случаю, когда Салтыков подверг обсуждению и в результате его отказался принять к печати стихи. Редакторство стихотверного отдела журнала осуществлялось, как известно, единолично самим Некрасовым. (Салтыков редактировал беллетристический отдел). Но если письмо написано после смерти Некрасова, то оно может быть отнесено только к 1881 г., так как именно в этом году февральская книжка журнала вышла «с поэмой Некрасова». Это была последняя часть «Кому на Руси жить хорошо» — «Пир на весь мир». Подтверждают наконец нашу датировку и указания Салтыкова на окончание (очевидно скорое) контрактного срока с Краевским. В 1869 г. у Салтыкова не было самостоятельного договора с Краевским; он был у Некрасова. С. Салтыковым же контракт был заключен лишь в 1878 г. (на срок в шесть лет).

Г. И. УСПЕНСКИЙ

Фотография 1870-х гг.

Институт Русской Литературы,
Ленинград

² Нам не удалось установить, о какой поэме идет речь. В напечатанном литературном наследии Жемчужникова есть лишь одна поэма, состоящая из четырех глав, а именно поэма «Сны». Именно эта поэма и указана в примечании первого издателя данного письма в «Русской Мысли». Указание — явно неверное. Поэма «Сны», написанная в 1868 г., была напечатана в февральской книжке «Отеч. Зап.» еще в 1869 г. и таким образом, в 1881 г. (или даже, допуская датировку «Русской Мысли», в 1869 г.) Салтыков не мог сообщать автору о непринятии журналом произведения, уже напечатанного в нем. Правильнее будет предположить, что Жемчужников, согласившись с отрицательным суждением Салтыкова, отказался от мысли напечатать свое неизвестное нам произведение вообще. Быть может однако в отвергнутой Салтыковым поэме следует видеть четыре начальные главы большой сатирической сказки Жемчужникова «О глупом бесе и о мудром патриоте». Сказка эта была дополнена в 1883 г. еще двумя главами и в таком виде напечатана во II томе Собрания стихотворений Жемчужникова (СПб., 1910 г.).

27

Г. И. УСПЕНСКОМУ

[15—20 Февраля 1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Вы писали мне, что доставите Ваши статьи для Мартовской книжки к Среде (около 2-х недель тому назад) — будьте так добры уведомить, есть ли у Вас что-нибудь готовое, и доставить, так как с нынешнего дня начинается набор 3-й книжки¹. А у нас нынче переполох случился. Явились арестовать книжку (иллюзии то, видно, те же, что и прежде), и кончилось тем, что вырезали все Внутр. Обзорение, да в статьях моей и Зайончковской по странице².

Книжка выйдет в Четверг. Вам следует гонорару 400 р. Из них удержано на пополнение долга 200 р. Остальные двести потрудитесь в Среду по-лучить.

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В мартовской книжке «Отеч. Зап.» за 1881 г. помещено два очерка Г. Успенского из серии «Без определенных занятий»; 1. «Деловые люди» и 2. «Лиссабонский разглагольствует».

² Приводим (в сокращенном изложении) фактическую справку об этом инциденте из работы В. Евгеньева-Максимова «Очерки из истории социалистической журналистики в России XIX века», М.—Л., 1927, стр. 205—206:

«В донесении цензурного комитета в Главное управление от 15 февраля 1881 г. приводится прежде всего отзыв цензора о рассказе В. Крестовского (псев. Н. Д. Зайончковской-Хвошинской) «После потопы». «В этом весьма небольшого объема очерке,— читаем мы здесь,— с явною тенденциозностью описывается время политических арестов, то тревожение, которое они производили в обществе, и то влияние, которое имели на лиц временно арестованных и впоследствии выпущенных». Затем в донесении содержится отзыв цензора об очерке Щедрина «За рубежом» (пятая глава цикла), в котором цензор особенно остался недоволен указаниями автора на то, «что в России жить невозможно от полицейских, урядников, исправников и других начальств, которые только и думают, как уловлять своих сограждан и высылать их административным порядком в дальние страны», а также иронией автора по адресу французских королей, «лишившихся своих мест». При чем и без них французы не погибают, а продолжают жить.

Заканчивалось донесение отзывом о «Внутреннем обозрении» С. Н. Кривенко.

«В этом обозрении,— писал цензор,— редакция имеет целью представить невыносимое положение административно-ссылных в Якутской области, необходимость амнистирования всех административных ссыльных и отнятия у губернатора права административной ссылки».

В заключение цензор и цензурный комитет утверждал, что «все эти три статьи заключают в себе осуждение нашего правительства и администрации, для которых будто не существует закона, а руководством служит произвол».

Приведа текст цитированного документа, В. Евгеньев-Максимов пишет: «Однако зная настроения все еще либеральничавших высших сфер, ни о судебном преследовании редакции, ни об аресте книжки вопрос не поднимался» (ор. сит. стр. 207). Утверждение это нуждается в поправке. Из публикуемого письма с очевидностью явствует, что существовало не только намерение арестовать книжку, но и были сделаны попытки к реализации его. Об изменениях, внесенных Салтыковым по настоянию цензуры в пятую главу «За рубежом», см. в комментарии к этому циклу Иванова-Разумника («Салтыков-Щедрин». Собр. соч., изд. Госиздата, М.—Л., 1927 г., стр. 658—659).

Ироническое замечание Салтыкова по поводу инцидента: «иллюзии-то, видно, те же, что и прежде» относится к «новому курсу» в отношении печати, установленному в период «диктатуры сердца» Лорис-Меликова.

28

Г. И. УСПЕНСКОМУ

[Конец Апреля 1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Очень рад, что Вы и на Майскую книжку даете нечто ¹. Прошу не замедлить окончанием. Что касается до Вашей просьбы о деньгах, то Апрельская книжка уже вышла и я, согласно прежнему условию, распорядился уже вычетом Вашего гонорара полностью. Поэтому потрудитесь уведомить меня, сколько Вам нужно денег, и я прошлю Вам записку За Майскую же книжку опять вычту полностью. Так счета яснее. Что касается до Абрамова ², то я сегодня же прочитаю его рассказ и уведомя Вас. За напечатанную в Апрельской книжке часть «Программы» он может получить деньги теперь же. Остальная часть еще не набрана, но можно примерный счет сделать.

Весь Ваш

М. Салтыков

Окончанием Вашей статьи, пожалуйста, поспешите и доставьте прямо в типографию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В майской книжке «Отеч. Зап.» за 1881 г. какого-либо очерка Успенского не появилось.

² Справку об Абрамове см. в примечании к письму № 33. В апрельской и майской книжках за 1881 г. Абрамовым помещена (за подписью «Федосеев») обширная статья «Программа вопросов для собрания сведений о русском сектантстве».

29

Г. И. УСПЕНСКОМУ

[Апрель — Май 1881 г.]¹

Многоуважаемый Глеб Иванович.

От Тургенева (вон откуда!) узнал, что Вы в Петербурге. Ловлю Вас, чтобы спросить, могу ли рассчитывать на Вашу статью для Июньской книжки? Впрочем, не ради надоедания делаю это, так что если Вы не можете, то напишите. Теперь надо сделать расчет книжке.

Ваш

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Дата письма определяется на основании упоминания о пребывании Успенского в Петербурге и по связи содержания публикуемого письма с письмом от 25 мая 1881 г. (см. ниже). Из справки о явке паспортов Г. И. Успенского явствует, что последний жил в Петербурге с 31 декабря 1880 г. до первых чисел мая 1881 г. (см. об этом в книге Чепихина-Ветринского «Глеб Иванович Успенский». М., 1923 г., стр. 359).

30

Г. И. УСПЕНСКОМУ

25 Мая [1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Я очень рад Вашему обещанию прислать статью для Июньской книжки. Само собою разумеется, что при расчете будет, согласно с желанием Вашим, вычтена только половина гонорара. Заглавие «Деревня после 1-го Марта»¹ я решительно нахожу неудобным и предлагаю заменить следующим: «Деревня последней минуты». Пожалуйста согласитесь или другое выдумайте, но только без 1-го Марта.

Ваш •

М. Салтыков

25 Мая.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Ни в «Отечественных Записках», ни в собрании сочинений Успенского очерка под заглавием «Деревня после 1-го марта» или «Деревня последней минуты» нет. Рассказ Успенского, напечатанный в июньской книжке, носит заглавие «На травке». В нашем распоряжении нет данных для бесспорного решения вопроса: тождествен ли очерк «На травке» с очерком, первоначально озаглавленным «Деревня после 1-го марта», или же Успенский прислал Салтыкову совершенно новый рассказ. Вероятное, впрочем первое предположение, а именно что текст рассказа остался прежний, изменение же коснулось лишь заглавия (см. содержание рассказа «На травке» в примечании к следующему письму).

31

Г. И. УСПЕНСКОМУ

[Первые числа июня 1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Я знал одну барыню, которая придет и скажет: я пойду детям белья купить. А через час возвратится: купила зонтик. Так точно и Вы: обещали нам для июньской книжки белья, а прислали зонтик¹. Но зонтик вышел

такой отличный, что я решаюсь Вас просить: нельзя ли такой же прислать и для июльской книжки. Это много бы скрасило последнюю. Окончательный срок — 5 июля. Но я уезжаю за границу 3-го числа; следовательно, если бы могли прислать к 1-му, то весьма бы обязали². Позднее следует уже обращаться к А. М. Скабичевскому, а буде возвратится Н. К. Михайловский, то к нему. Присылайте прямо в типографию.

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рассказ Гл. Успенского «На травке» (из цикла «Без определенных занятий»), который хвалит здесь Салтыков, посвящен описанию тяжелого положения русского интеллигента (народника) в деревне после 1 марта 1881 г. в обстановке господствовавшего там дикого добровольческого сыска и полицейского произвола. Тема Успенского, развитая им дополнительно еще в двух очерках под общим заглавием «Бог прехам терпит» («Отеч. Зап.» 1881 г., кн. 9—11), сатирически была разработана через год и Салтыковым в XVI—XVIII главах «Современной идиллии» (см. описания злоключений героев этого произведения, попавших в твердую деревню). Об упреждении интеллигенции по всей линии общественной деятельности в деревне писал вслед за Успенским и С. Н. Кривенко в своих «обозрениях» 1881—1882 гг.

² Салтыков уехал за границу несколько ранее намеченного им срока, а именно 25—27 июня. В первом же после отъезда письме к Н. К. Михайловскому от 29 июня из Висбадена он писал: «Успенский прислал мне телеграмму, что доставит рассказ к Июльской книжке. Но он уже опоздал. Придется отложить до Августа» («Письма», стр. 206). Это были последние два очерка из серии «Без определенных занятий»: «Своекорыстный поступок» и «Глубокая несправедливость». Они были напечатаны в 8-й книжке журнала.

32

Г. И. УСПЕНСКОМУ

17 Октября [1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Что Вы отдали два рассказа в «Русскую Мысль»¹ — это еще не беда. Журнал этот хороший и не мешает его подогреть. Но все-таки жалко, что «Отеч. Зап.» не могут овладеть обстоятельствами, которые владеют Вами. Мне кажется, что Вы из своих книжек не извлекаете что следует. Что может быть проще: напечатать известное число в типографии в долг и потом продавать экземпляры с уступкою хотя и большою. Все же лучше, нежели продавать право на издание. Впрочем, я опасался, что мои советы неуместны, и что Вы впредь будете обращаться к Гарту² и тому подобным бездельникам. Я получил начало Вашего рассказа, но из письма Вашего не вижу, скоро ли можно ожидать продолжения и в каком размере. Ваш последний рассказ произвел в цензуре целую бурю. Пропустить-то его пропустили, да потом и хватились. Судя по тому, как этот рассказ кончился, не чаю, чтоб и тот, который посылаете теперь, был цензурен³. Времена ныне тяжкие. Я вот второй месяц не «украшаю страниц» на вряд ли и совсем от «украшения» не придется отказаться. Очень будет обидно, ежели Ваш новый рассказ придется отложить.

Весь Ваш

М. Салтыков

Абрамов⁴ присылает много, но что-то неслыханное. [Ничего] нельзя печатать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеются в виду очерки: 1. «Старики», напеч. в № 11 «Русской Мысли» за 1881 г. (собр. соч., т. III, стр. 62 «Старый бурмистр») и 2. «Равнение под одно», напеч. в № 1 того же журнала за 1882 г. (в собр. соч. вошло также в названный очерк. «Старый бурмистр»).

² Гартве, Эмилий Карлович (1849—1911) — издатель-книгопродавец и антиквар в Петербурге, торговал под фирмою «Посредник». См. некролог о нем в журнале «Русский Библиофил» 1911 г., № 1.

³ В сентябрьской и ноябрьской книжках было опубликовано за подписью «Г. Иванов» два очерка Успенского под общим заглавием «Бог прехам терпит»: 1. «Маленькие недостатки механизма» и 2. «Опустошители».

⁴ Абрамов, Яков Васильевич, псевдоним «Федосеев» (1858—1906) — писатель правонароднического лагеря, публицист и беллетрист. В 1878 г. был привлечен по делу о распространении книг преступного содержания и выслан из Петербурга. По возвращении (в начале 1881 г.), сблизился с Успенским и по рекомендации последнего стал с середины года постоянным сотрудником «Отеч. Зап.», где после ареста С. Н. Кривенко 3 января 1884 г. вел «Внутреннее обозрение» до запрещения журнала. Позднее (с июля 1885 г.) сотрудничал в «Неделе», где стал одним из выразителей оппортунистической теории «малых дел» («абрамовщина»).

33

Г. И. УСПЕНСКОМУ

24 Октября [1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Уведомьте, пожалуйста, действительно ли сенаторской ревизией было обнаружено чтонибудь подобное. Ежели нет, то лучше просто: ревизией¹.

Пользуюсь этим случаем, чтобы попросить Вас поторопиться высылкой окончания. У нас очень большая бедность по части беллетристики: совсем нечего печатать. И набор остановился.

Ваш

М. Салтыков

24 Октября.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Речь идет об очерке «Опустошители», напеч. в сентябрьской книжке «Отеч. Зап.» за 1881 г. Успенский рассказывает о том, как в г. Посусалове «отцы города» — гласные городской думы — учредили ремесленное училище и затем в течение ряда лет разворовали все отпущенные средства. В тексте «Отеч. Зап.» хищения раскрывает «ревизор, ревизующий нашу губернию», а не «сенаторская ревизия», как значилось, судя по публикуемому письму, в рукописи.

34

Г. И. УСПЕНСКОМУ

27 Октября [1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Вы обещали дослать окончание Вашего рассказа в Понедельник, но вот Понедельник прошел; а ничего нет. Извините, что я, быть может, надоедаю Вам, но дело в том, что отсутствие Ваше в ноябрьской книжке нашего журнала может быть многими принято за перенесение Вашей деятельности в «Русскую Мысль». А сверх того есть и еще обстоятельство. Печатание 11-го № дошло до той степени, что необходимо иметь Вашу статью или чтонибудь другое. Поэтому будьте так добры, напишите прямо: можем ли мы на Вас рассчитывать для ноябрьской книжки или нет. Повторяю, Ваш оригинал очень нужен, но ежели его нет, то делать нечего. Впрочем, до 1-го числа мы можем ждать, но только, ради бога, напишите верно: будет ли конец в редакции в понедельник, 2-го ноября. Конечно, раньше лучше, но и до понедельника можно ждать.

То, что до сих пор было у меня в руках, я нахожу вполне цензурным за очень малыми исключениями. Я об одном из них писал Вам (сенаторская ревизия) — вероятно, Вы получили мое письмо¹.

Затем, остаюсь, как и всегда, искренне Вам преданный

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См. примеч. к предыдущему письму.

35

Г. И. УСПЕНСКОМУ

23 Ноября [1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Из гонорара, следующего Вам за ноябрьскую книжку (285 р.) я распорядился вычесть только 125 р., остальные 160 р., следовательно, Вы можете получить. Но, признаюсь, мне настолько тяжело играть относительно Вас роль вычитателя, что я никогда впредь вычитать не буду, и предоставляю делать это Вам самим, когда и сколько Вы сами найдете возможным. Я хорошо понимаю Ваши денежные затруднения и желал бы одного: чтобы расчеты эти [не] повредили Вашим добрым отношениям к журналу.

Теперь скажу несколько слов о деле. Относительно январской книжки журнал находится в большом затруднении. Островский, который ежегодно давал свою комедию, на этот раз, кажется, не поспеет. Не наверное, но весьма может быть, потому что комедия написана только на половину¹. Декабрьскую книжку мы можем составить и не очень нарядно. Поэтому нельзя ли ту работу, которую Вы готовите для декабрьской книжки, отложить до январской, но дабавив и еще, так чтобы вышло листа 3, по малой мере. Может быть для Вас это неудобно в том отношении, что Вы в декабре предполагаете окончить серию — в таком случае, делать нечего, мы напечатаем Ваш рассказ в декабре, но ежели Вы можете серию продолжить листов до 3-х, то это будет очень приятно. Но так или сяк, позвольте хоть на небольшую работу Вашу рассчитывать для январской книжки. Разумеется, под предполагавшуюся для декабрьской книжки работу Вы можете получить вперед денги, с тем, чтобы эти только деньги были вычтены в январе. Пожалуйста, уведомьте меня наверное, можете ли выполнить мою усерднейшую просьбу к 15-му декабря, когда должна начаться печатанием январская книжка².

Здесь был Юрьев и говорил, что ждет от Вас целого ряда рассказов. Очень жаль будет, если это помешает Вашей работе в «Отеч. Записках». Златовратский тоже что-то дал в «Русскую Мысль». Пожалуй, придется и совсем лавочку закрыть за недостатком сражающихся. Может быть, и пора.

Преданный Вам

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Опасения Салтыкова не оправдались. В январскую книжку «Отеч. Зап.» за 1882 г. Островский дал пьесу «Таланты и поклонники».

² В декабрьскую книжку за 1881 г. Успенский не дал ничего, в январской же за 1882 г. начал печатанием свой цикл «Власть земли».

36

Г. И. УСПЕНСКОМУ

[10—15 Января 1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Сегодня январская книжка послана в цензуру, и надо набирать 2-ую. Буквально не с чего печатать. Будьте так добры уведомить меня, доставите ли Вы к Февральской книжке окончание «Власти земли», и когда¹. По-

жалуйста, извините за назойливость, но право, никогда так не бывало с «Отеч. Записками». Материал есть, но совсем средний.

Весь Ваш

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Напечатанные в февральской книжке очерки «Власть земли» были продолжением этого цикла, а не окончанием его (см. следующие письма).

37

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

Петербург 25 Января [1882 г.].

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Я совсем не так избалован фортуной и не так нагл от природы, чтобы не ценить глубоко и искренне сочувственного отношения ко все таким людям, как Вы. И письмо Ваше тем больше утешило меня, что я решительно не на розах покоюсь.

Глубоко, всем организмом больной, непрерывно кашляя и задыхаясь, я, как вечный жид, обязываюсь итти и итти. Нет конца моей работе. Месяц кончается — начинается другой и в то же время кончается и начинается моя работа, точно проклятый, заколдованный круг меня окружил. И все это имея в перспективе, что лет через двадцать меня или забудут или будут читать с комментариями, как уже теперь читают «Губернские очерки» (я сам почти так их читал недавно, выпуская новое издание). Но скоро вижу конец этой египетской работе, потому что через два года кончается срок контракту с Краевским, и я нового, конечно, не заключу, разве что с голоду придется умирать¹. Публика действительно как будто благоволит ко мне, однакож не без осмотристельности, что доказывается тем, что отдельные издания мои расходятся довольно медленно. Особенно осмотристельными оказываются в этом отношении подписчики «Отеч. Зап.», на которых, казалось-бы, я имею некоторое право рассчитывать. Вот Вам пример: несмотря на ежемесячные объявления, что издания мои можно выписывать прямо от меня или из конторы журнала (с некоторою льготою), из 4500 иногородних подписчиков, прямо подписывающихся на журнал в конторе, только 20 выписали книгу «За Рубежом».

Живется нам нельзя сказать чтобы отлично. Главная беда, что неизвестность какая-то давит. И не только людей развитых, но и самых обыкновенных. И еще странно: торжествуют Катков, Аксаков, и притом торжествуют официально, так что всякое равновесие в борьбе потеряно².

Этого еще никогда не бывало. Но делать нечего, приходится переживать. Но надеюсь, что после этого Вам не покажется удивительным, почему я с таким нетерпением жду момента, когда и для меня откроется возможность положить перо в сторону. И болен, и стар, и до смерти устал. Ни развлечений, ни удовольствий не знаю; редактирую журнал и никого не вижу. Ужасно это странно. Вообще, ежели будет моя правдивая биография, то она может быть любопытна.

Летом думаю, что вынужден буду поехать за границу, как это делаю постоянно в последние годы. Я собственно очень недолюбливаю подобных экскурсий, но семья вынуждает, или, лучше сказать, жена. В будущем году, однакож, эта история прекратится, потому что сыну придется поступить в гимназию.

Дружески жму Вашу руку и прошу не забывать душевно Вам преданного

М. Салтыкова

«ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»
Иллюстрация худ. В. Эльконена
Собрание художника, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Срок действия договора, заключенного между Краевским и Салтыковым в 1878 г., кончался первого января 1884 г. (отсюда датировка письма). Намерения своего не заключать нового контракта Салтыков не выполнил: 20 октября 1883 г. договор был продлен еще на два года (до января 1886 г.).

² В день, когда Салтыков писал это письмо, в газетах были напечатаны известия о производстве Каткова из статских в тайные советники и об «успехе», который имела в «некоторых официальных кругах» последняя статья И. С. Аксакова в издававшейся им газете «Русь» (см. номер «Нового Времени» от 28 января).

38

Г. И. УСПЕНСКОМУ

18 Февраля [1882 г.]¹

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Решительно невозможно обсуждать какие бы то ни было вопросы, имея между собой расстояние, равняющееся 3—4 верстам. Ежели Вы не больны, то сделайте милость зайдите на днях утром ко мне. Я всегда дома и мы, наверное, в два-три слова все покончим; иначе я все-таки рискую не вполне понять Ваши пожелания.

Ваш

М. Салтыков

18 Февраля.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Это письмо датируем предположительно по связи его с письмом Салтыкова к Михайловскому от февраля 1882 г., в котором читаем: «Успенский, повидимому, здесь, но, разумеется, предпочитает изнурительную переписку простому личному объяснению», и т. д. («Письма», стр. 222). В феврале 1882 г. Успенский действительно приезжал на короткое время в Петербург.

39

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКОМУ

Ораниенбаум 26 Мая [1882 г.]

Многоуважаемый Николай Николаевич!

По желанию Вашему, я распорядился высылкою Вам 50 р.

Очень жалею, что работа Ваша идет так туго. Насчет проектируемых Вами подразделений «Устоев» не могу согласиться. Этими эпизодическими ухищрениями Вы только увлекаетесь в сторону и обманываете самого себя. Надо кончить эту вещь — вот, по моему мнению, что необходимо иметь в виду. Она так растянулась и пошла в эпизоды, что читателю уже теперь трудно свести концы с концами. Перечитайте Вашу работу с самого начала и установите отправной пункт для окончания, потому что переходить в следующий год совсем невозможно. В последних главах Вы употребляете язык вообще неудобный, а в отношении к крестьянскому быту даже немыслимый. Пожалуйста, воздержитесь от этой латинской конструкции, которая с успехом применялась Карамзиным, но давно уже оставлена.

Может быть, Вы скажете, что мои высказывания неуместны и напрасны, но дело в том, что сколько уже лет я нахожусь в журнальном деле и ни одной цельной вещи в журнале не вижу: все отрывки. Удивляюсь долготерпению публики.

Впрочем, извините, пожалуйста.

Искренне Вам преданный

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Златовратский, Николай Николаевич (1845—1911)—беллетрист-народник. «Устой»—его центральное произведение, начатое печатанием с ноябрьской книжки «Отечественных Записок» за 1880 г. Письма Златовратского Салтыкову, связанные с печатанием этой вещи, публикуются в настоящем сборнике. (См. ниже).

Повествование у Златовратского, как и у большинства писателей-народников, растянуто и изобилует большим количеством искусственно вводимого сырого этнографического материала; характерно для манеры Златовратского также голое морализирование и то торжественно-приподнятый, то сентиментальный тон описания крестьянской жизни. Именно в таком тоне выдержана та (третья) часть «Устоев», описывающая трудовую жизнь «хозяйственного мужичка», о которой идет речь в данном письме Салтыкова. Оно интересно как немногий из дошедших до нас образцов непосредственного редакторского руководства Щедрина по отношению к народническим писателям, сотрудничавшим в «Отечественных Записках». Публикуемые здесь же письма Щедрина к Гл. Успенскому показывают, насколько сочувственное относился Щедрин к творчеству этого «критического народника», чем к «народническому оптимизму» Златовратского.

40

С. А. ЮРЬЕВУ

[Первые числа февраля 1883 г.]

Любезный друг Сергей Андреевич.

Не успел я вчера ¹ известить тебя о предполагаемом помещении в Февральской книжке моих «Сказок», как уже сегодня отважное отчаяние ² заставило меня их вырезать из книжки. То же отважное отчаяние заставило меня принять следующую смелую меру: прекратить писание.

Остаюсь твой

М. Салтыков
бывший литератор

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Предыдущее письмо к Юрьеву, на которое ссылается Салтыков, неизвестно. Из второй книжки «Отечественных Записок» за 1883 г. Салтыков «вырезал» в предвидении цензурного запрещения сказки: «Самоотверженный заяц», «Бедный волк», «Премудрый пискарь». В том же году все три сказки были напечатаны в зарубежной вольной прессе, сначала в газете «Общее Дело» (см. № 56 за 1833 г.), куда они попали вероятно через друга Салтыкова д-ра Н. А. Белоголового, а затем и отдельной брошюрой (см. Щедрин, Н. «Три сказки для детей изрядного возраста». Женева, 1883, изд. Элпидина. Русская типография, стр. 24). Через год эти сказки удалось напечатать и в «Отечественных Записках» (см. январскую книжку за 1884 г.).

² «Отважное отчаяние» — выражение из анонимной рецензии на «Письма к тетеньке», напечатанной в февральской книжке «Русской Мысли» за 1883 г. В письме к Боровиковскому от 15 февраля (см. «Неизданные письма», стр. 116) Салтыков писал:...«в «Русской Мысли» появилась рецензия на «Письма к тетеньке», где меня в особенности хвалят за «отважное отчаяние».

41

С. А. ЮРЬЕВУ

12 Февраля [1883 г.]

Любезный друг Сергей Андреевич.

Слухи о моей высылке — бабы сплетни. Ходят бабы по улицам и во-скальцают. Может быть и накличет ¹.

Что касается до того, что я подписал «бывший литератор», то есть та-кой слух, что это так уж решено и записано в книге судеб, издаваемой сы-ном Москвы Катковым. А подобные решения сопровождаются арестом книг и их сожжением ².

Вот и все.

Весь твой

М. Салтыков

Разумеется, это все слухи. А посему: не уподобясь оным бабам и не восклицай.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слухи о выслаке Салтыкова из Петербурга, с начала 80-х годов не прекращавшиеся, получили в первой половине 1883 г. особенно широкое распространение; к ним он неоднократно возвращался в своих письмах этого периода. См. например письма к Елисееву от 2 мая («Заветы» 1914 г., кн. 4), Боровиковскому от 4 мая («Неизданные письма», стр. 124—125). Белоголовому от 11 мая (Вл. Розенберг «Журналисты безвременья М., 1917 г., стр. 100—101).

² Руководящее влияние Каткова на черносотенную политику Александра III особенно и непосредственно ощущалось Салтыковым естественно по линии правительственных мероприятий, направленных на борьбу с печатью демократического лагеря, на борьбу с «Отечественными Записками» и с деятельностью самого Щедрина в частности. Репрессии резко обострились с начала 1883 г., когда во главе Главного управления по делам печати стал Е. М. Феоктистов, незамаскированная креатура Каткова. В письме к Боровиковскому от 31 января Салтыкова писал: «Десница Каткова явно простерлась надомною и вдохновляет Феоктистов (см. «Неизданные письма», М.—Л., стр. 113). Личной инициативе и непосредственному участию Каткова Салтыков был склонен приписывать (возможно, располагая для такого суждения неизвестной нам теперь информацией) все цензурные репрессии начал 80-х годов против себя лично и «Отечественных Записок», а также самый факт правительственного запрещения журнала в 1884 г.

42

Г. Л. КРАВЦОВУ¹

[29 Ноября 1883 г.]

Милостивый Государь Григорий Львович.

Искренне благодаря Вас за сочувственное отношение к моей литературной деятельности, считаю долгом препроводить при сем, в качестве автографа, несколько строк из одной моей неизданной сказки².

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

М. Салтыков

29 Ноября

Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пискари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере, бесполезные пискари. Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестья, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят.

М. Салтыков

(Из неизданной сказки «Премудрый пискарь»).

29 Ноября 1883 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приводим справку об адресате письма, сделанную Н. В. Яковлевым:

«Григорий Львович Кравцов (1840—1890), ветеринарный врач, писатель по своей специальности; вместе с женою. А. П. Блюммер (сестра эмигранта-писателя), собирал альбом автографов, который описан и частью воспроизведен в сборнике «Привет». (СПБ., 1898 г., стр. 216—220), но автографа Салтыкова среди опубликованных нет».

² Письмо Кравцова, в котором он просил у Салтыкова автограф для своей коллекции, опубликовано в настоящей книге. (См. ниже в публикации «Письма читателей к Щедрину»).

43

Д. Н. МАМИНУ-СИБИРЯКУ¹

10 Января 1884 г.

Литейная, 62.

Многоуважаемый Дмитрий Наркисович.

В четверг, 12-го, отправилась в цензуру 1-я книжка «Отеч. Зап.» на 1884 год, а в Понедельник, 16-го ежели ничто не восприпятствует, она

«ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»
 Иллюстрация худ. В. Эльконена
 Собрание художника, Москва

выйдет в свет. В этой книжке напечатаны первые девять глав «Горного Гнезда»; затем в Февральской книжке я посылаю напечатать следующие девять или десять глав (Понедельник, 15-го, уже будут набирать), а в Мартовской — окончание. Но так как в редакции нет еще последних глав, то я просил бы Вас не замедлить их высылкою, так как сношения с Екатеринбургом весьма медленные, а около 6-го Февраля непременно потребуется для типографии оригинал 3-й книжки. Надеюсь, что Вы исполните эту покорнейшую мою просьбу.

От души поздравляю Вас с Новым Годом и желаю всевозможных благополучий. Для редакции «Отеч. Зап.» Новый Год не совсем благополучен арестовали г. Кривенко², который писал «Внутр. Обзор», так что последнее для Январской книжки едва успели кой-как составить. Вероятно, ничего особенного из этого ареста не выйдет, но все-таки Вы можете понять, как не весело мое положение, как главного редактора, у которого из-под носа берут самых необходимых сотрудников.

Что касается до Немировича-Данченко³, то о гонораре, им получаемом, не могу сказать ничего достоверного. В «Отеч. Зап.» он участвовал очень недолго и немного, и получал 75 р. за лист. Но очень возможно, что в газетах («Нов. Время») и в «Неделе», например, он получает и больше. «Новое Время» имеет, благодаря закрытию других газет, до 30 т. подписчиков и розничных покупателей, да объявлениями зарабатывает более 100 т. р. «Нива» имеет 90 т. подписчиков. Ничего подобного наши большие журналы и во сне не видели. И вот второй год, как подписка, вместо увеличения, все идет к низу. Чувствуется какая-то усталость всюду; книга не интересует, всякий выписывает или газету или иллюстрированный журнал.

Жму Вашу руку и остаюсь преданный...

[без подписи, низ листа отрезан. С. М.]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мамин-Сибиряк, Дмитрий Наркисович (1852—1912) — беллетрист, один из лучших бытописателей уральской горнозаводской промышленности конца прошлого века. «Горное гнездо» — первый из цикла его больших романов (за ним следовали «На улице», «Три конца» и др.). Печатание романа растянулось не на три, а на четыре книжки (январь — апрель).

² Кривенко, Сергей Николаевич (1847—1912) — публицист-народник, в последние годы существования «Отечественных Записок» ближайший помощник Салтыкова по редакционной работе. Имел связи с «Народной волей». Участвовал в подпольной печати. Был арестован 3 января 1884 г. и в следующем году сослан. Подлинные причины ареста Кривенко были повидимому неизвестны Салтыкову (см. его объяснение в письме к Елисееву от 23 января 1884 г. — «Заветы», кн. 4, стр. 45).

³ Немирович-Данченко, Василий Иванович (1848—1927) — популярный в свое время очеркист и романист, после Октябрьской революции белоэмигрант. В «Отечественных Записках» был случайным сотрудником, поместив здесь в 1874 г. ряд статей «За северным полярным кругом» (№№ 8—10). Над его бойко написанными, но весьма далекими от правдоподобия путевыми впечатлениями и военными корреспонденциями (1877—1878 гг. в «Новом Времени») зло издевался Щедрин в «Современной идиллии» (см. начало V главы) и в очерке «Тряпичкины-очевидцы». Уже после смерти Немировича-Данченко в рижской белогвардейской газетке «Сегодня» появились его «воспоминания» «Мои встречи с Некрасовым, Щедриным и др.» (см. № 27 от 29 января 1928 г.).

1 Апрель [1884 г.]

Многоуважаемый Вячеслав Евгеньевич.

Искренне благодарю Вас за присланную брошюру о рукописях Пушкина, продолжение которой я уже сегодня прочитал в Апрельской книжке «Рус-

ской Старины»². Вместе с тем с величайшим удовольствием исполняю желание Ваше относительно моего портрета и автографа. Жалею, что последний пришлось сделать на обороте портрета, так как на лакированном картоне чернила скатываются.

Искренне Вас уважающий

М. Салтыков

1 Апреля.

На конверте: Заказное, Москва, Чистые Пруды, дом № 211. Его Высочайшему Вячеславу Евгеньевичу Якушкину. Почтовые штемпеля: С.-Петербург 3 апр. 1884 г. и Москва 4 апр. 1884 г. и штамп: Главная Контора журнала «Отечественные Записки». При письме приложена фотографическая карточка Салтыкова кабинетного формата, на обороте которой рукой Салтыкова надпись: «Вячеславу Евгеньевичу Якушкину М. Салтыков»³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Якушкин, Вячеслав Евгеньевич (1856—1912) — известный пушкинист, сын Евгения Ивановича Якушкина (о нем см. в примечании к письму № 1).

² В «Русской Старине» за 1884 г. в №№ 2—12 печаталась известная работа В. Е. Якушкина «Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском Музее в Москве». Салтыков называет «брошюрой» очевидно посланный ему отдельный оттиск первых двух глав этой работы, напечатанных в февральской и мартовской книжках журнала.

³ Воспроизведение портрета и конверта см. ниже.

45

К. Д. КАВЕЛИНУ

4 Мая [1884 г.]

Многоуважаемый Константин Дмитриевич!

Разница между покойным Тургеневым и прочими пошехонскими литераторами (я испытал ее теперь на собственной шкуре) следующая: если бы литературного собрата постигла бы такая же непостижимость, какая, например, меня постигла, Тургенев непременно отозвался же [бы?]. Прочие же пошехонские литераторы (наприм. Гончаров, Кавелин, Островский, Толстой) читают небывлицы в лицах и, распахнув рот, думают: как это еще нас бог спас!¹

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См. примеч. к письму № 47

46

Н. Н. БАХМЕТЬЕВУ¹

5 Мая [1884 г.]

Многоуважаемый Николай Николаевич.

Очень жалею, что Вы не зашли ко мне еще раз перед отъездом в Москву². Вероятно, Вы взяли из Конторы повесть г. Фирсова³. Теперь оказывается, что это только одна часть, что я усматриваю из двух его писем, которые при сем прилагаю. Я вместе с сим пишу к нему, чтобы он окончательно выслал к Вам. Так как он представляет [!] погасить свой долг «От. Зап.» из заработной своей платы, то будьте так добры, по отпечатании работы Фирсова на сумму 150 р., выслать их в бывшую контору журнала (Бассейная, 2). Равным образом, благоволиите выслать из заработной платы г. Недетовского⁴ 100 р., по тому же адресу.

Кланяюсь С. А. [Юрьеву], ежели он еще в Москве. Повесть Фирсова я много сокращал.

Искренне Вам преданный

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бахметьев, Николай Николаевич (1847—1909) — секретарь редакции «Русской Мысли». В апреле 1884 г. был в Петербурге у Салтыкова по поручению Юрьева для переговоров о передаче «Русской Мысли» подписчиков закрытых «Отечественных Записок». Как потом выяснилось, Бахметьев, проводя эту операцию, присвоил себе путем подлога некоторую часть денег. За это и другие уголовные преступления был в 1888 г. судим и сослан в Сибирь. В процессе следствия по делу Бахметьева приглашался «для дачи свидетельского показания» и Салтыков. Публикуемые здесь два письма его к Бахметьеву сохранились в копиях, прошнурованных и скрепленных печатью судебного следователя 4-го участка г. Москвы. Оба письма сопровождаются приводимыми ниже «объяснениями», записанными несомненно со слов Бахметьева при его допросе.

² Бахметьев был у Салтыкова в 20-х числах апреля 1884 г. («сюда приехал Бахметьев», писал Салтыков Михайловскому 25 апреля 1884 г. См. «Письма», стр. 260). Отсюда датировка данного письма.

³ Фирсов, Николай Николаевич, псевд. «Л. Рускин» — литератор, заграничный корреспондент петербургских журналов и газет. Салтыков — очень заботливо относившийся к Фирсову, находившемуся в трудных материальных условиях, сам рекомендовал и передал для напечатания «Русской Мысли» его повесть, оставшуюся в портфеле «Отечественных Записок» после их закрытия. Повесть однако напечатана не была. По объяснению Бахметьева, имеющемуся при письме, «повесть Фирсова оказалась очень плохой и непомещение ее в Р[усской] М[ысли] было одной из причин недовольства Салтыкова, благодаря [которому] он помещал свои произведения в В[естнике] Е[вропы], а не в Р[усской] М[ысли]».

В письме к Михайловскому от 17 ноября 1884 г. Салтыков писал: «А редакцию («Русской Мысли»). — С. М.) имею полное основание называть свиным хлевом и вот почему. Передал я туда еще в апреле два рассказа Каронина, большую повесть Фирсова и проч. Теперь Фирсову есть нечего и он ко мне вопиет, ибо на все его письма редакция не дает никакого ответа. Вследствие этого я два раза писал к Юрьеву, и все-таки остаюсь без ответа». («Письма». Л., 1925, стр. 278—279, см. также письмо к Юрьеву от 11 ноября 1884 г. в сб. «В память С. А. Юрьева». М., 1891, стр. 290).

⁴ Недетовский, Григорий Иванович, псевд. «О. Забытый», литератор, сотрудник «Отечественных Записок». См. письма к нему Салтыкова в т. XXXXI «Известия отд. русского языка и слов. Ак. Наук СССР», Л., 1926 (15 писем).

К. Д. КАВЕЛИНУ¹

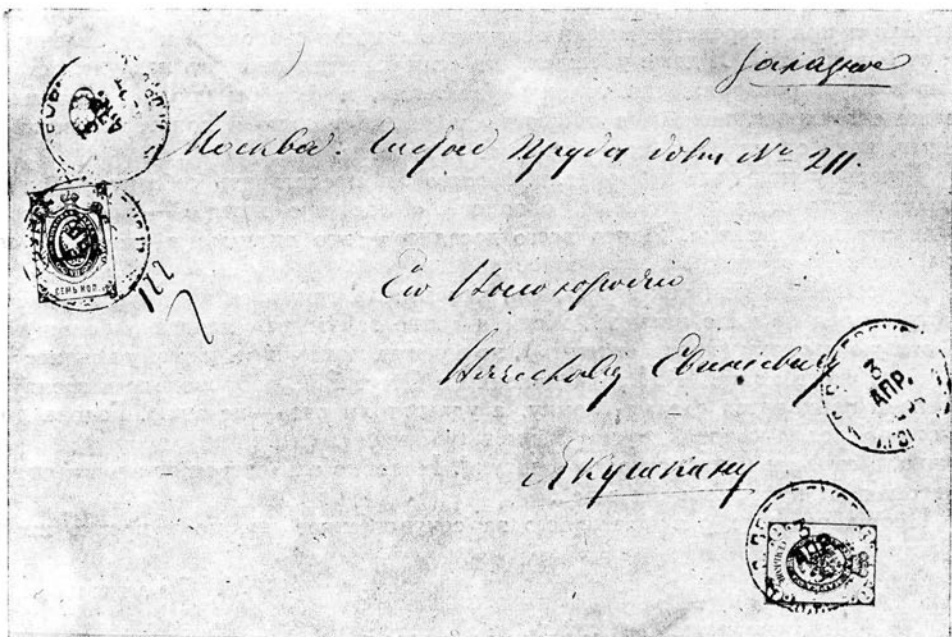
12 Мая [1884 г.] Петербург.

Многоуважаемый Константин Дмитриевич.

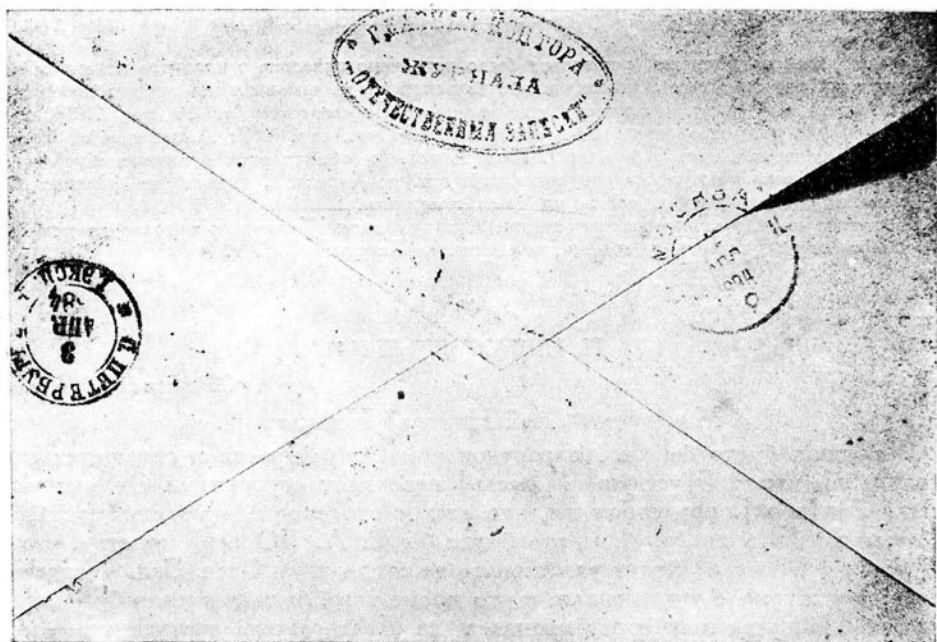
Письмо Ваше глубоко меня тронуло и утешило. Не ради удовлетворения пустому тщеславию я ожидал некоторых заявлений, а ради убеждения, что Пошехонье не все сплошь переполнено пошехонцами. К сожалению, это убеждение и теперь не составилось.

Впечатление, произведенное на пошехонцев катастрофой «Отеч. Зап.», двоякое. Одни безоговорочно верят, что «Отеч. Зап.», был не журнал, а организованный заговор (изданием Краевского); другие не верят, но говорят, что совершена «новая штука». — И даже не прибавляют, что «новая штука» совершена нами связанными людьми. На этой «новой штуке» пошехонское общественное мнение, вероятно, и успокоится. Еще несколько недель как «Отеч. Зап.» и их деятельности и в помине не будет.

Что касается лично меня, то меня, прежде всего, поражает (и до сих пор не могу освоиться) то обстоятельство, что я лишен возможности ежемесячно беседовать с читателем. При моей старости и недугах, это только утешение и оставалось мне. Живу я совершенным нелюдимом, почти никого не вижу, никуда не выезжаю, чувствуя, что я везде буду в тягость. Один ресурс у меня оставался — это читатель. Признаться сказать, едва ли не его одного я искренне и горячо любил, с ним одним не стеснялся. И, — не припишите это самолюбию, — мне казалось, что эта отвлеченная персона тоже меня любит, и именно потому любит, что и я для нее «отвлеченная персона». Может быть, придя в личное со мною соприкосновение, чита-

КОНВЕРТ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К В. Е. ЯКУШКИНУ ОТ 1 АПРЕЛЯ 1884 г.
Архив Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссылно-Поселенцев, Москва

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА КОНВЕРТА ПИСЬМА САЛТЫКОВА К В. Е. ЯКУШКИНУ
ОТ 1 АПРЕЛЯ 1884 г. (СО ПШТАМПОМ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»)
Архив Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссылно-Поселенцев, Москва

тель был бы не совсем удовлетворен больным и брюзжающим стариком, но издали и при посредстве мысли общение выходило свободное и от болезни, и от брюзжаний. Я даже убежден, что если бы меня запереть наглухо, оставив в моем распоряжении только «читателя», я был бы вполне счастлив, даже счастливее, нежели в обществе людей. Довольно я понатерся между ними, взял от них, что мог и что мог возвратил.

Теперь у меня все это отняли. Можно ли представить себе что-нибудь более жестокое, унижительное, озорное? «Нехорошо хотеть» — вот и все. Удивительно странно. И что всего досаднее — это видимое в этом деле и для меня совершенно несомненное участие фразистого идиота Каткова.

Деятельность моя так сложилась, что переламывать ее на другой манер потребуется не мало времени. Хотя я давно задумывал написать большую бытовую картину (целое «житие»), но полагал приступить к этому позднее². Думал, что в конце 1885 года кончусь с Отеч. Зап. добровольно и засяду. Теперь приходится сделать ломку, а удастся ли она — не знаю. Голова до сих пор полна совсем другим и, между прочим, сказками, которых задумано, а отчасти и написано до 4 штук³. Надобно отказаться от этой книги, которая не повредила бы мне...

Прощайте. Еще раз благодарю за сочувственное письмо и крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кавелин, Константин Дмитриевич (1818—1885) — историк и публицист, примыкавший к лагерю умеренного либерализма. Оба печатаемые здесь письма Салтыкова к нему были ранее опубликованы Д. А. Кирсановым («Русская Мысль» 1895 г., кн. 11): первое полностью, но с многоточием вместо имен Гончарова, Кавелина, Островского и Толстого, второе — с пропуском второго абзаца и абзаца, начинающегося словами «Теперь у меня все это отняли».

То боязливое равнодушие, с которым было встречено известие о правительственном прещении «Отечественных Записок» в писательской среде, чрезвычайно тяжело переживалось Салтыковым. (См. например его письмо Белоголовому от 11 мая 1884 г. — Вл. Розенберг. «Журналисты безвременья». М., 1917 г., стр. 112; Анненкову от 1 мая 1884 г. — «Письма», стр. 261 и др.). Именно этим и объясняется в значительной мере его взволнованная реакция на сочувственный отклик Кавелина, никогда не бывшего ему сколько-нибудь близким по своим идейным позициям.

² Имеется в виду «Пошехонская старина», задуманная Щедриным задолго до момента появления первых глав произведения в «Вестнике Европы» 1887 г.

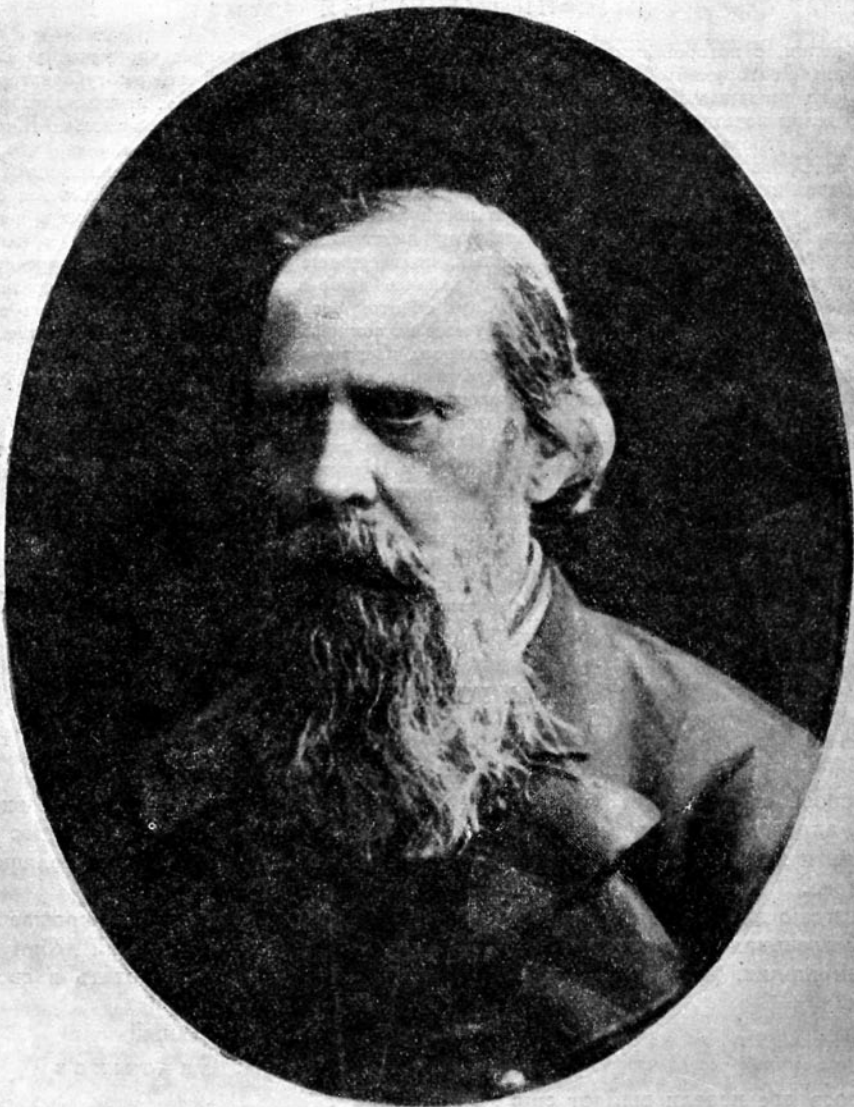
20 Июня [1884 г.]

Многоуважаемый Николай Николаевич.

Я слышал будто бы кн. Долгоруков призывал Юрьева и спрашивал его, правда ли что в Р[усскую] М[ысль] переходят сотрудники От[ечественных] Зап[исок], предупреждая, что ежели это справедливо, то Р[усской] Мысли не жить долго. И на это будто бы С. А. [Юрьев] ответил, что в Р[усской] М[ысли] будут участвовать те сотрудники Отеч. Зап., которые и прежде в журнале участвовали, и что кроме того, быть может, я буду печататься. Но какое этот ответ произвел на Долгорукова впечатление — мне неизвестно.

Будьте так добры уведомить меня, насколько этот слух справедлив вообще и в частности во отношении до меня. Адрес мой: Сиверсовская станция, Пет.-Варш. жел. дор. дача Шперера.

Искренне Вам преданный М. Салтыков

Михаилу Ефимовичу Якушкину
А. Салтыков

М. Е. Салтыков (Н. Щедрин)

Фотография 1880-х годов с дарственной надписью В. Е. Якушкину

Архив Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссылочно-Поселенцев, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На копии, с которой печатается текст письма, имеется следующее «примечание» Бахметьева: «Долгорукий [Владимир Андреевич, князь, московский генерал-губернатор. — С. М.] не призывал Юрьева, так как со времени введения в 1818 г. игнатьевских правил по делам печати генерал-губернатор никакого отношения к журналу не имел, но Юрьев сам полез успокаивать небеспокоившегося Дологорукова и затем много приврал. Оба они — и Юрьев и Салтыков — трусили в это время. Салтыков боялся быть высланным из Петербурга и хлопотал через меня, Муромцева и Гольцева о том, чтобы московские студенты не являлись к нему с адресом, и когда они все-таки явились, то гнал их в шею».

Беседа Юрьева с Долгоруким повидимому действительно имела место, хотя в нашем распоряжении нет документальных данных, подтверждающих этот весьма красноречивый факт, дающий меру той трусости, какая таилась даже в таких честных представителях российского либерализма, как Юрьев. Слух об этой беседе («я не знаю, насколько этот слух точен, но что он вероподобен — в этом я не сомневаюсь», писал Салтыков Анненкову 1 июля 1884 г.) чрезвычайно взволновал Салтыкова и усилил его недоверчивое, враждебное отношение к журналу (см. его письма к Михайловскому и Анненкову. «Письма», стр. 269 сл., а также письмо к Белоголовому от 3 июля 1887 г.).

Сообщение Бахметьева о встрече, оказанной Салтыковым пришедшим к нему московским студентам, грубо извращено. Речь идет несомненно о делегации от московского студенчества, посланной весной 1884 г. к Щедрина для выражения сожаления по поводу правительственного запрещения «Отечественных Записок» и для передачи адреса-протеста. История приема Щедриным этой депутации изложена в статье П. Анатольева «К истории закрытия «Отечественных Записок» («Каторга и ссылка», № 58—59, М., 1929 г.), в воспоминаниях Н. Терешенкова, напечатанных в первом полутоме настоящего сборника (см. стр. 487), и в статье В. Бурцева «К биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина», помещенной в белоэмигрантском сборнике «На чужой стороне» (см. кн. X, 1925 г., Прага, стр. 121—132).

49

Г. И. УСПЕНСКОМУ

31 Октября [1884 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

С своей стороны и я давно хотел послать Вам свою книжку, но не знал, куда адресовать. Теперь исполняю свое намерение¹. Благодарю Вас за память и за подарок, и весьма сетую, что Вы никогда не посетите болящего человека.

Ожидаю завтра появления Вестн. Евр., чтобы удостовериться, прошла ли там маленькая-маленькая моя статейка². Это будет мой первый дебют на чужих людях. До сих пор мне как-то всегда удавалось работать в своем месте.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Через две недели выйдет еще моя книжка³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо написано очевидно в ответ на получение Салтыковым от Успенского 3-го тома его сочинений, вышедшего в свет осенью 1884 г. (изд. Павленкова), Салтыков же вероятно послал Успенскому свой сборник «Недоконченные беседы» (Между делом), который он в это время выпустил.

² В октябрьской книжке «Вестника Европы» за 1884 г. появился первый очерк Щедрина из цикла «Пестрые письма».

³ Сборник «Пошехонские рассказы» вышел уже в 1885 г.

50

Е. М. ФЕОКТИСТОВУ¹

[10—11 сентября 1885 г. Петербург.]

Милостивый Государь

Евгений Михайлович.

Тяжелая, почти безнадежная болезнь лишает меня возможности явиться к Вам лично с просьбою. Поэтому, рискуя быть назойливым, обращаюсь

к Вам письменно. Будьте так добры, прочтите прилагаемую при сем сказку «Вяленая вобла»², которая была уже в Вашем рассмотрении. По чести смею Вас уверить, что в ней нет ничего, что могло бы обратиться на себя особенное внимание. Прежде всего, я значительно ее выправил, т. е. наиболее резкие места совсем уничтожил. Сверх того, со времени ее первого появления все обстоятельства настолько изменились, что и самая сказка утратила первоначальный сомнительный смысл. Наконец, я предполагаю напечатать ее в «Северном Вестнике», журнале мало распространенном. Все это позволяет мне думать что Вы снисходительно взглянете на мою вещь, признаете ее изрядно скучною и разрешите печатать.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Ваш,
Милостивый Государь,
М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Феокистов, Евгений Михайлович (1829—1898) — начальник Главного управления по делам печати. Очевидно об этом своем письме Салтыков сообщал А. П. Плещеву 11 сентября 1885 г.: «Вобла» и письмо к Феокистову уже готовы, так что если зайдете за ними завтра, в четверг, то в пятницу можно будет их представить по адресу» («Неизвестные письма», М.-Л., 1932 г., стр. 236).

² «Вяленая вобла» первоначально была намечена Салтыковым к опубликованию в февральской книжке «Отечественных Записок» за 1884 г., но вместе с тремя другими сказками была вырезана цензурой. В отрицательном смысле вопрос о печатании «Вяленой воблы» был разрешен и вторично. По словам Плещеева ответ Феокистова (посланный через Евреינוву) на это, в достаточной мере унижительное для Салтыкова обращение был таков: «Главное Управление по делам печати относилось снисходительно (! — С. М.) к сказкам Салтыкова, когда они появлялись в безцензурных изданиях («Отеч. Зап.» — С. М.), но странно требовать, чтобы они выходили с одобрения цензуры» («Историч. Вестник» 1902, т. 86, стр. 360—361). В легальной печати «Вяленая вобла» впервые появилась лишь в изд. А. Маркса 1905 г. Указание Салтыкова на то, что посылая сказку на просмотр Феокистову, он значительно ее выправил, т. е. наиболее резкие места совсем уничтожил, в полной мере соответствует действительности. До нас дошел чрезвычайно интересный документ: отпечатанные листы «Вяленой воблы», вырезанные из журнала, на которых Салтыков выработывал (правка карандашом) новую редакцию сказки, всячески стремясь «приспособить» ее для легальной печати. Изменения и разночтения, внесенные Щедриным в первоначальный подцензурный текст, столь значительны и качественно, и количественно, что потребовали бы для своего освещения самостоятельного текстологического экскурса с приведением обоих текстов en regard чего мы здесь не можем сделать. Такая работа, будет напечатана нами в одном из ближайших выпусков «Летописей центрального музея художественной литературы, критики и публицистики» (документ принадлежит этому музею).

51

П. И. ВЕЙНБЕРГУ 1

10 Января [1887—8 гг. Петербург.]

Милостивый Государь Петр Исаевич.

Вот уже два года как я безнадежно болен, и ни Вы, ни кто другой из литераторов (за исключением некоторых сотрудников О. З.) не заблагорассудите даже навестить меня. Очевидно, что я забыт и отменен. Поэтому, мне несколько странным показалось Ваше предложение подписать поздравительную телеграмму лицу, которое в самой телеграмме не поименовано (неужели г. Танеев считается беллетристом?), а в письме Вашем я [Ваши] фамилии не разобрал. Затем желаю Вам веселиться на чествовании и остаться в совершенном почтении и преданностью

готовый к услугам

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Вейнберг, Петр Исаевич (1831—1908) — известный поэт, переводчик и критик, позднее почетный академик. Был близок к театральным кругам. Письмо его к Салтыкову не сохранилось. Повидимому он собирал подписи под приветственной телеграммой известному театральному и музыкальному деятелю С. В. Танееву. В ответном письме Салтыков ставит вопрос о Танееве-беллетристе, как бы усматривая для себя возможным приветствовать Танеева только по этой линии и в то же время не находя за Танеевым никаких заслуг в этой области (см. рассказы Танеева «Два вечера» и «Грибной дождь и ливень» в «Русском Вестнике» 1869 г., кн. 6 и 11). Судя по указанию Салтыкова на то, что он «уже два года, как безнадежно болен», можно отнести письмо ориентировочно к 1887—1888 гг., если считать началом тяжелой болезни Салтыкова осень 1885 г.

52

Г. А. КРАВЦОВУ¹14 Апреля [1887 г.]²

Милостивый Государь Григорий Львович.

Простите меня. Я настолько расстроен физически и душевно, что не могу ответить обстоятельно на предложенные Вами вопросы. Не в силах ни читать, ни писать; могу только сознавать горечь своего положения.

Искренне благодарный Вам

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кравцов, Г. А. — См. о нем в примечаниях к письму № 42.

² Датируется предположительно по почерку, бумаге и характеру записки. Она близко примыкает к таким же лаконичным письмам о «горечи своего положения», как например записка к Соболевскому от 13 апреля и Гаевскому от 14 апреля 1887 г. (см. «Неизданные письма», стр. 280—281).

53

В. А. ГОЛЬЦЕВУ¹

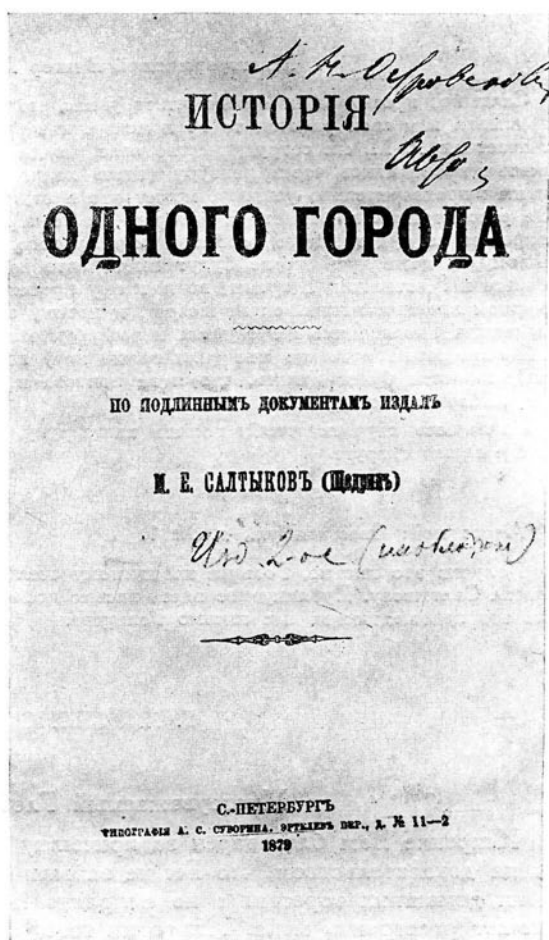
27 Апреля, [1887 г.] Литейная, 62

Многоуважаемый Виктор Александрович.

Душевно благодарю Вас, что Вы даете мне возможность печататься в «Русской Мысли», и вообще за Ваше доброе и участливое письмо. Но вряд ли участие в «Р. М.» осуществится в скором времени, потому что все наличное мною уже роздано, а в какой мере я буду в состоянии писать — не знаю. Мои сношения с «Вестн. Европы», несколько поколебавшиеся, вновь уладились, и я нахожу для себя удобным печататься в этом журнале по многим причинам. Во-первых, сношение с Москвою сопряжено с осложнениями, от которых я, сильно расшатанный человек, очень страдаю, как это доказал мне опыт в «Рус. Вед.», весьма мне сочувственными. Во-вторых, мне не весьма сочувственны Ваши редактора, которые простерли свое пренебрежение ко мне до того, что даже прекратили даровую высылку мне журнала, тогда как я собственно не мало содействовал успеху «Р. М.», передав ей до 6 т. подписчиков «От. Зап.» Правда, я сделал это ради моего старого друга С. А. Юрьева, но ведь все-таки воспользовался этим журналом, и устранение С. А. вовсе не представляется в моих глазах фактом, который так бы заслуживал симпатии. В-третьих, наконец, о «Рус. Мысли» ходят здесь странные слухи. Не говоря уже о сношениях с цензурой чересчур тесных и заветных, рассказывают даже о сношениях с Катковым. Один из сотрудников последнего рассказывал здесь открыто, в присутствии г-жи Евреиновой, что в бытность его у Каткова, к последнему принесли из редакции «Рус. Мысли» на просмотр каку-то статью. Быть может, все это и скверно, но мнение все-таки существует. Впрочем, во всяком случае я по-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЭКЗЕМ-
ПЛЯРА 2-го ИЗДАНИЯ «ИСТО-
РИИ ОДНОГО ГОРОДА» С ДАР-
СТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТО-
РА А. Н. ОСТРОВСКОМУ

Институт Русской Литературы,
Ленинград

стараясь выполнить свое «мое желание», если здоровье мое позволит. Разумеется, я желаю иметь дело исключительно с Вами, а не с гг. Лавровым и Бахметьевым.

Искренне Вам преданный
М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Гольцев, Виктор Александрович (1850—1906) — публицист, видный деятель либерального лагеря, убежденный сторонник конституционно-демократической программы. С 1885 г. фактический редактор «Русской Мысли». Недошедшее до нас письмо Гольцева к Салтыкову, дававшее последнему «возможность» печататься в «Русской Мысли», было повидимому и не вполне искренним, и не вполне добровольным. Сам Гольцев не стремился привлечь в свой журнал «опасного» и политически-чуждого ему Щедрина. «Доброе и участливое» письмо было написано Гольцевым лишь после довольно унижительного обращения к нему самого Салтыкова. Последний, опасаясь разрыва своих отношений с «Вестником Европы» (из-за трусливой и оскорбительной для Салтыкова тактики Стасюлевича), вынужден был весной 1887 г. в поисках литературного пристанища первым постучаться в негостеприимные для него двери «Русской Мысли». Обращение последовало впрочем не лично, а через Плещеева, написавшего Гольцеву по поручению Салтыкова специальное письмо. Так как оно еще не появлялось в печати, приводим его здесь целиком.

Петерб[ург], 16 Апреля [1887 г.].

Многоуважаемый Виктор Александрович.

Салтыков просил меня осведомиться у вас, может ли он рассчитывать, что если он присылал вам свои работы, то Р. Мысль стала бы их печатать, т. е. иными словами не считает ли Р. М. его сотрудничество опасным для себя? Но он не желал бы, чтобы его статьи проводились через цензуру (здесь ходили слухи, что в Р. Мысли показывают статьи предварительно цензору, может это и вздор, но это говорили) и также, чтоб их не рассматривал г. Бахметьев, которого он не терпит (это между нами). В его статьях впрочем не будет ничего особенно нецензурного. Они кажутся будут посвящены прошлому, и даже чуть ли не будут иметь автобиографический характер. Между Салтыковым и В[естником] Е[вропы] повидимому пробежала какая-то черная кошка. В подцензурном издании писать он не желает, и потому видеть его в Север. Вест. мы не имеем надежды. Пользуйтесь же случаем и завербуйте его. Не откажитесь, добрейший Виктор Александрович, ответить мне (или прямо ему) поскорее: а то он по своей болезненной мнительности будет думать, что я не написал вам или получил такой ответ, которого не желаю ему сообщить.

Пользуясь случаем, чтобы позжать вашу руку, и прошу передать мое искреннее почтение вашей супруге.

Душевно преданный вам
А. Плещеев

Адрес мой: Спасская ул., д. № 1.

Получив это письмо, Гольцев повидимому счел для себя неудобным не отвечать и написал Салтыкову. Публикуемое здесь письмо последнего является таким образом ответом на это недошедшее до нас письмо Гольцева.

54

Г. И. УСПЕНСКОМУ

8 Февраля [1889 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Искренне Вам благодарен за присылку сочинений¹. Это послужило для меня доказательством, что Вы не забыли обо мне. Глубоко скорблю о Ваших домашних горестях²; но напрасно Вы думаете, что посещение Ваше может расстроить меня. Напротив того, оно в высшей мере утешит меня, и если Вы когда-нибудь найдете свободную минуту, то зайдите на короткое время.

Искренне Вам преданный

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Г. И. Успенский. Сочинения. 8 томов. Изд. Ф. Павленкова, СПб., 1883—1886.

² «Домашние горести» — по объяснению дочери Успенского Марьи Глебовны: тяжелая болезнь жены Успенского (нервный удар) и одновременно болезнь мальчика-сына (скарлатина).

АРХИВНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В заключение приводим архивно-библиографическую справку о публикуемых письмах с указанием лиц, сообщивших тексты и подготовивших их к печати.

1. Бахметьеву Н. Н. — №№ 46, 48 (всего 2). Печатаются впервые по копиям, хранящимся в архиве Государственного Исторического Музея в Москве (Шифр: Б 2, 4/11, 1320—21). Копии сняты с оригинала, очевидно в процессе судебного следствия по делу Бахметьева в 1888 г.; они прошнурованы и скреплены печатью следователя 4-го участка гор. Москвы. Текст подготовлен С. А. Макашиным.

Nelept. 16 ab. 1890

и Новой Лапачи - Выходы: Восточный и Запад.

[illegible]

АВТОГРАФ ПИСЬМА А. ПЛЕЩЕЕВА К В. А. ГОЛЬЦЕВУ ПО ПОВОДУ СОТРУДНИЧЕСТВА
САЛТЫКОВА В «РУССКОЙ МЫСЛИ» (ПЕРВАЯ СТРАНИЦА)

Публичная Библиотека им. Ленина, Москва

Вот мы не имеем надежды. Конструкция пре-
дупрещает и уверенность нас. Не отказывайтесь, дай-бо-
жий Ахави Александрович, а также и нас / не
привык ему / покарать; а в это по своей боковой
иной деятельности будет думать, что не имеет са-
мим или поучения такой охоты карать нас
хотело ему сабидан.

Конструкция предупрещает, предупрещает всему разуму, и
просто передает мои последние пожелания в
иной сущности.

Внимательно преданно Ваш

А. Плещеев

Адрес мой. Спасская улица. Д. № 1.

2. Вейнбергу П. И. — № 51 (всего 1). Печатается впервые по автографу, сохранившемуся у сына адресата Б. П. Вейнберга. Текст подготовил Н. В. Яковлев.

3. Гольцеву В. А. — № 53 (всего 1). Печатается вторично по автографу, хранящемуся в Рукописном отделе Центральной Публичной библиотеки СССР им. Ленина в Москве (Архив В. А. Гольцева, папка VII). В первопечатном тексте письма («Архив В. А. Гольцева»). Книгоиздательство Писателей в Москве, 1914, стр. 218—219) были допущены купюры и была извращена дата. Текст подготовил С. А. Макашин.

3. Жемчужникову А. М. — №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 16, 17, 26, 37 (всего 11). Печатаются вторично по автографам, хранящимся в архиве Алексея Жемчужникова в Ленинградском отделении Центрального Исторического Архива (ЛОЦИА). Первая публикация этих писем («Русская Мысль». 1913, № 9, стр. 115—124) отличалась крайней неряшливостью в прочтении текста, наличием ряда купюр и грубейшими ошибками в датировке документов. Текст писем выверен по оригиналам М. И. Гонтаевой.

4. Засодимскому П. В. — № 12 (всего 1). Полностью печатается впервые по автографу, сохранившемуся в частном собрании Бурцева (Ленинград). Частично письмо было напечатано в книге П. В. Засодимского «Из воспоминаний», М., 1908 г. Текст подготовил Н. В. Яковлев.

5. Златовратскому Н. Н. — № 39 (всего 1). Печатается впервые по автографу, хранящемуся в архиве Златовратского в Институте Русской Литературы Академии Наук в Ленинграде. Текст подготовил В. В. Гиппиус.

6. Кавелину К. Д. — №№ 45, 47. Полностью печатаются впервые по автографам, хранящимся в собрании В. Егерова (Казань). В первой публикации писем («Русская Мысль» 1895, кн. 11) были сделаны значительные купюры. Текст подготовил В. В. Егеров.

7. Кравцову К. Л. — № 42, 52 (всего 2). Печатаются впервые по автографам, хранящимся в архиве Института Русской Литературы в Ленинграде (альбом Кравцова в архиве С. А. Венгерова). Текст подготовил В. В. Гиппиус.

8. Курочкину Н. С. — № 11 (всего 1). Печатается впервые по автографу, принадлежащему С. А. Рейсеру (Ленинград), который подготовил текст письма.

9. Мамину-Сибиряку Д. Н. — № 43 (всего 1). Печатается впервые по автографу, хранящемуся в Рукописном отделе Центральной Публичной библиотеки СССР им. Ленина в Москве (Архив Д. Н. Мамина-Сибиряка. Папка 3, № 70). Не включены в публикацию хранящиеся там же пять записок и одна телеграмма Салтыкова к тому же адресату. Текст подготовил С. А. Макашин.

10. Новодворскому А. О. (псевдоним «Осипович») — № 22 (всего 1). Печатается впервые по автографу, хранящемуся в архиве Гос. Театрального Музея им. Бахрушина в Москве (Арх. № 6647). Не введена в публикацию еще одна записка к тому же адресату, хранящаяся в архиве Владимирова в Публ. Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Текст подготовил С. А. Макашин.

11. Павлову И. В. — № 18 (всего 1). Печатается впервые по автографу, принадлежащему Ю. А. Бахрушину (Москва) и им же подготовленному для печати.

13. Салову И. А. — № 19 (всего 1). Печатается впервые по автографу, хранящемуся в Институте Русской Литературы в Ленинграде. Текст подготовил В. В. Гиппиус.

14. Тургеневу И. С. — № 13 (всего 1). Печатается впервые по автографу, хранящемуся в Институте Русской Литературы в Ленинграде. Текст подготовил М. К. Клеман.

15. Успенскому Г. И. — №№ 20, 21, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 49, 54 (всего 18). Из них №№ 28, 31, 34 и 35 были полностью, но не исправно опубликованы В. Е. Чешихиным-Ветринским в его статье «М. Е. Салтыков и Глеб Успенский», а №№ 33, 36 и 38 были использованы здесь же в частичной цитации (см. указанную статью в «Голосе Минувшего» 1914, № 5, стр. 213—219). Остальные письма публикуются впервые. Письма печатаются по автографам, хранящимся в архиве Успенского в Институте Русской Литературы в Ленинграде. Текст подготовил к печати В. В. Гиппиус.

16. Феоктистову Е. М. — № 50 (всего 1). Печатается впервые по автографу, хранящемуся в Институте Русской Литературы в Ленинграде. Текст подготовил В. В. Гиппиус.

17. Чернышевскому Н. Г. — № 3 (всего 1). Печатается впервые по автографу, хранящемуся в Музее Н. Г. Чернышевского в Саратове. Текст подготовил Н. В. Яковлев.

18. Юрьеву С. А. — №№ 40, 41 (всего два). Печатаются впервые по автографам, хранящимся в Государственном Театральном Музее им. Бахрушина в Москве (Арх. № 6648—49). Текст подготовил С. А. Макашин.

19. Якушкину В. Е. — № 44 (всего 1). Печатается впервые по автографу, хранящемуся в Архиве Всесоюзного Общества Ссылно-поселенцев и политкаторжан в Москве (Архив Якушкина). Текст подготовил С. А. Макашин.

20. Якушкину Е. И. — №№ 1, 2, 14, 15 (всего 4). Печатаются впервые по автографам, хранящимся в Архиве Всесоюзного общества Ссылно-поселенцев и политкаторжан в Москве (Архив Якушкина). Текст подготовил С. А. Макашин.

Комментарии и примечания по всем письмам составлены С. А. Макашиным за исключением письма Н. Г. Чернышевскому, комментарий к которому написан Я. Е. Эльсбергом.